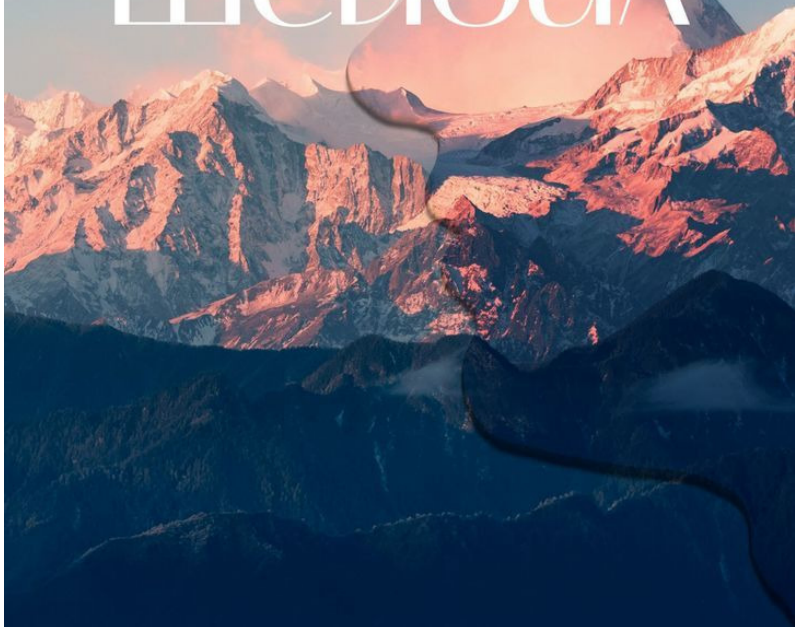

18+

ЛЕЙЛА ЭЛОРАБИ САЛЕМ

Владек Шейбал

Лейла Элораби Салем Владек Шейбал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56080115

ISBN 9785005103918

Аннотация

Владислав-Рудольф Шейбал, более известный как Владек Шейбал, родился в Польше в 1923 году в богемной семье художника. Пройдя трудный путь от пленника концлагеря до беженца, нашел свой путь на острове Великобритании, где построил международную карьеру актера и где закончил свой жизненный путь.

Содержание

ВЛАДЕК ШЕЙБАЛ	6
От автора	6
ЧАСТЬ 1	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Глава седьмая	46
Глава восьмая	52
Глава девятая	61
ЧАСТЬ 2	66
Глава первая	66
Глава вторая	75
Глава третья	80
Глава четвертая	86
Глава пятая	92
Глава шестая	101
Глава седьмая	105
Глава восьмая	109
Глава девятая	113
Глава десятая	122

Глава одиннадцатая	128
Глава двенадцатая	133
Глава тринадцатая	139
Глава четырнадцатая	149
Глава пятнадцатая	156
Глава шестнадцатая	161
Глава семнадцатая	167
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Владек Шейбал

Лейла Элораби Салем

© Лейла Элораби Салем, 2020

ISBN 978-5-0051-0391-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЛАДЕК ШЕЙБАЛ

Роман посвящается памяти

талантливого артиста

Владислава-Рудольфа Шейбала 1923—1992 г.г.

От автора

Я долго думала, о чем или о ком писать. Много было писано-переписано, великие цари и полководцы, принцы и царевичи выходили из-под пера словно живые, явив миру судьбы свои. Но то далекое прошлое и мало кому интересно читать о славе прошедших лет и веков, ибо то было давно – жило иными законами, о которых многое уже и неведано.

И вот однажды летним погожим днем попался мне рассказ, а точнее, мемуары известного на Западе актера Владека Шейбала. Прочитав о нем и найдя в том много интересного, я подумала и решила: а если попробовать излить жизнь его – со всеми хитрыми переплетениями-сплетениями судеб в единую книгу – от третьего лица? Неужто он менее интересен, чем остальные? Решив описать самого Владека, увековечить на письме его имя, я мыслю, что лучше начать сначала, с самого рождения.

ЧАСТЬ 1

Глава первая

В большом доме, залитом ранними весенними лучами солнца, было много народу. Ожидали чего-то, волновались; мужчины отдельно, женщины отдельно. В гостиной на первом этаже, обогретой пламенем в камине, взад-вперед ходил хозяин дома – невысокий темноволосый мужчина тридцати двух лет с красивым лицом, на котором ясно выделялись большие светлые глаза, окаймленные длинными густыми ресницами. У камина в резном старинном кресле восседал с гордым видом старейший семейства и отец молодого хозяина Франциск-Ксавери. Строгое темное лицо его, в котором читались гордость и стойкость кавказских горцев, было словно выточено из камня: ни единый мускул не дрогнул с тех самых пор, как они спустились в гостиную с надеждой на новое чудо.

Станислав – хозяин и старший сын в семье, продолжал нервно отсчитывать шаги, то подходил к окну, вглядываясь в сырой еще, серый сад, то вновь обращался в сторону дверей, с замиранием сердца прислушивался. Его младший брат Адам – темноокий, с иссяня-черными волосами следил за ним, глубоко вздыхал. Из всех он был, пожалуй, един-

ственный, кто скучал в данную минуту, потеряв интерес ко всему происходящему.

Франциск приподнял строгий взгляд на Станислава, проговорил:

– Сын мой, возьми себя в руки, присядь и просто помолись.

– Да что же они так долго? – воскликнул Станислав, теряя контроль над собой.

– Терпение, сын мой, терпение. Дитя родится в положенный ему срок и кроме наших молитв ничего не поможет, – он устало обвел гостиную пристальным взглядом, глянул то на одного сына, то на другого. – Когда Вильгельмина, ваша мать, рожала Адама, ты, Станислав, сидел на моих коленях, а твой двоюродный брат Юзеф Теофил читал в это самое время Евангелие, и когда я слышал младенческий крик, то...

Франциск не договорил. На втором этаже в опочивальне раздался долгожданный крик дитя. Станислав, а за ним отец и брат ринулись наверх в комнату, где Бронислава только что разрешилась от бремени. Ее мать Леокадия Котула держала на своих руках младенца, с радостной улыбкой протянула живой сверток отцу, молвила уставшим, но счастливым голосом:

– Сын! У тебя, Станислав, родился сын.

Яркий румянец спал с его щек, какое-то странное, непонятное выражение появилось на его лице. Пристально взглянул он в маленькое личико ребенка, в еще детские огромные

глаза, произнес чужим голосом:

– Мама, вы шутите. Это не может быть сын. Посмотрите в эти огромные красивые глаза – такие не могут быть у мальчика, это дочь.

– И все же, мой драгоценный зять, вас стоит принять, что у вас родился еще один сын.

– Это ложь! – воскликнул Станислав, и от его крика вздрогнула Бронислава, на ее глаза навернулись слезы.

– Если вы не верите, то смотрите, – сурово вторила Леокадия и одним движением руки развернула пеленки.

Станислав увидел подтверждение ее слов и с нескрываемым испугом и неким разочарованием молвил:

– Этот мужской орган слишком огромен для такого малыша... Я не ждал сына, думал, что будет дочь, – и, ни на кого не глядя, с отрешенным видом вышел из спальни, оставив родных в недоумении.

За ним последовал Адам. Нагнав брата, сказал:

– Станислав, что же ты творишь? Неужто не рад ты дару, посланному Богом? В чем же виновато это дитя? Зачем обижать жену?

– Тебе не понять, Адам. Мы так с Брониславой ждали дочь, готовили и одежду, и игрушки для маленькой принцессы. Мы и имя выбрали уже – Анжелика. И почему судьба с нами так пошутила? Это ведь шутка, не так ли?

К ним подошел Франциск с младенцем на руках. Грозное, суровое лицо было у старца. Адам раболепно отступил, Ста-

нислав же боялся поднять на отца взор – не мог сейчас вынести немого упрека в его очах. Франциск на вытянутых руках вручил молодому отцу плачущего младенца и ледяным голосом спросил:

– Дай имя этому ребенку.

Станислав чувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Невыносимо стало все: и родные, и нежеланный сын, и он сам – за то, что не принял сердцем родное дитя, которое плоть от плоти его. Маленькое тельце младенца оказалось легким и каким-то теплым, нежным. Станислав взглянул на это маленькое личико, едва сдерживая слезы, чувствуя нарастающее раскаяние за несправедливый гнев по отношению к невинному человечку. Перекрестив сына с отцовским благословением, произнес тихим голосом, почти шепотом:

– Владислав, его имя Владислав.

Глава вторая

Минуло четыре года. Станислава Шейбала, профессора-искусствоведа и талантливого художника, перевели вместе с семьей в маленький городок Кременец на востоке Польши, расположенного в зеленой долине среди бескрайнего простора под голубым небом. Благословенная земля! На вольном воздухе европейских степей дети чувствовали себя словно пташки, выпущенные на волю. Маленький Владислав резвился под пристальным взором бабушек, матери либо старшей сестры Янки, полюбившая младшего брата всем сердцем.

Станислав часто всматривался в младшего сына, старался изо всех сил взрастить свою любовь к нему и всякий раз это заканчивалось тем, что он злился на Владека, почти ненавидел его, а мальчик – чистое, невинное дитя с большими светлыми очами – как у Станислава, не понимал гнева отцовского и оттого старался казаться лучшим сыном. Подбегая к Станиславу, мальчик обнимал его за шею своими детскими ручками, прижимался к отцовской груди, говорил:

– Хайр, хайр (папа).

Мужчина с суровым выражением лица отталкивал от себя сына, грозил пальцем:

– Мы пока что живем в Польше, потому и говори со мной на польском, а не на армянском.

Обиженный замечанием отца, его холодностью, Владислав со слезами на глазах убегал к бабушке, которая любила его больше, чем кого бы то не было и, зарываясь мокрым лицом в ее колени, находил подле нее успокоение. Тихим детским голосом, еще неправильно выговаривая твердые звуки, мальчик шептал:

– Татик, татик (бабушка).

Леокадия с нежностью гладила его темные короткие волосы, еще по-детски мягкие и пушистые, приговаривала:

– Ах ты мой медовый, цветочек любимый, не плачь, успокойся.

И Владек успокаивался на ее коленях, всем своим маленьким тельцем прижимался к той, которых больше остальных дарила ему любовь и ласку – все то, чего лишал его отец. Вскоре он засыпал у нее на коленях и Леокадия передавала мальчика Брониславе, а та уносила спящего сына в его комнату – тихую, светлую, уютную.

Владислав с рождения был какой-то чудной, отличный ото всех. Он редко играл с другими детьми, предпочитая оставаться подле круга взрослых, и удивляя их всех своими недетскими умными рассуждениями. В саду Владек прятался от пристального взора Хафии и французской гувернантки мадам Шоше где-нибудь в тени ветвистой ивы, как бы отдаляя себя и остальных непроницаемой стеной. Когда голоса, зовущие его, затихали где-то вдалеке, Владислав облегченно вздыхал, впитывая в себя, в каждую клеточку своего те-

ла, упоительный приторный аромат трав и душистых цветов, а ветви ивы в зелено-белой дымке скрывали его, словно защищая. Владислав ложился на мягкую траву – сам маленький как птенчик, и вслушивался в разговор окружающих его растений, он знал и понимал их таинственный язык; укрывая ладошкой росший одинокий цветок, он наклонялся к его головке, обдавая горячим дыханием, шептал:

– Ты совсем один, цветочек. Давай я стану твоим другом, буду ухаживать за тобой, петь песенки и никому не позволю тебя обижать. У меня много игрушек, и самые лучшие я подарю тебе. Меня зовут Владислав, а как тебя, цветочек?

Мальчик пристально глядел на одинокий цветок, пытаясь почувствовать каким-то неземным слухом, что тот ответит. Но цветок молчал: по-видимому, он не знал и не понимал человеческого языка. Сердце Владека в такие моменты начинало биться все сильнее и сильнее, разгоняя по сосудам алую кровь. В некоем трансе, не видя себя в реальном мире, как бы спрятавшись под невидимым колпаком, ребенок гладил лепестки, тонкие, нежные, приговаривая:

– Я сам дам тебе имя. Тебя будут звать Лу, – назвал первое, что пришло в голову.

И как только имя впервой было произнесено, цветок приподнял головку и выпрямил стебель. И какая-то непонятная-приятная теплота заполнила душу Владека, разлилась в нем самом, словно лучи солнца над долиной.

В иную ночь Владислав не мог уснуть, уткнувшись ли-

цом в подушку. Он плакал – тихо, без единого звука, боясь этим разбудить гувернантку. Он лил слезы оттого, что слышал в темноте, как плакала скошенная трава – страшно и в то же время жалобно, а ветви деревьев, словно вторив ее вою, скрипели по кровле дома. И тут неожиданно по комнате разлилось дивное сияние, стало в миг светло как днем. Владек почувствовал благоухающий неземной запах и перед ним возник дивный образ в длинном белоснежном одеянии в ореоле света. Вошедший склонился над кроватью мальчика и укрыл его своими большими сияющими крыльями. Мальчик с замиранием сердца все глядел на ангельский облик, не зная, но ясно осознавая некое таинство вокруг себя – вдалеке от остального мира, где-то по иную сторону реальности.

Утром во время завтрака вся семья собралась в столовой. По обычаю семейного круга день начинался с армянского наречия, продолжался на польском и вечером заканчивали беседы на немецком. Отдельным уроком шли рассказы Хафии на русском и украинском языках, а также уроки французского с мадам Шоше. Таким образом в богемной образцовой семье Шейбалов, гордящихся своей родословной от армянских дворян Польши, все трое: Янка, Казимеж и Владислав учились с рождения сразу пятью языкам. В том было желание отца и матери воспитать детей достойными наследниками.

И вот ранним летним утром, в теплой солнечной столовой, из окна которой открывался живописный вид на сад, Бронислава дала каждому вареные яйца. Все начали есть –

кроме Владислава. Понюхав яйцо, он отодвинул тарелку и с важным видом проговорил:

– Я не буду это есть, яйцо плохое.

Все уставились на него, а мальчик продолжал сидеть, уставившись в пол. Наконец, Бронислава, взяв яйцо из его тарелки, повертела его в руках, понюхала и, пожав плечами, молвила:

– Яйцо хорошее, свежее. Поешь, мой родной.

– Дай я понюхаю, – с важным видом вторил ей Станислав, по-профессорски сдвинув очки на кончик носа.

Яйцо пошло по кругу: каждый член семьи принюхивался к его запаху и утверждал, что оно свежее и посему мальчик должен его съесть. Наконец, очередь дошла до грозной бабушки Леокадии, к мнению которой прислушивался даже Станислав. Повертев яйцо в руках и принюхавшись, женщина строго обвела дочь и зятя взглядом, ответила:

– Владислав прав: яйцо не свежее, не стоит его давать ребенку.

Владек был счастлив, услышав подтверждение своих слов. Он почему-то не мог довериться даже родным в том, что видит и слышит, ибо, поведав единожды о своих чувствах, связывающих его и растения, он наткнулся на ледяную стену непонимания и осуждения – не чужими людьми, но своими родными – теми, в ком он с такой надеждой ждал поддержки. Но родители, дяди и тети посмеялись над его рассказами. Отец махнул рукой, воскликнул:

– Хватит с тебя твоих шуток, Владислав! Нельзя постоянно придумывать и жить в вымышленном мире.

– Но я не вру! Все то правда, – со слезами на глазах отвечал ему мальчик, он обводил взором собравшихся, но никто – даже собственная мать, не желали вступаться за него.

– Сейчас уже поздно, тебе пора спать, – грозно говорил отец и тогда Хафия, по мановению его руки уводила плачущего Владислава в кровать, а в гостиной сгущалась давящая, зловещая тишина.

Глава третья

Ранним утром, по влажной от росы и оттого холодной, траве бежал, спотыкаясь, Владислав. Стебли травы переплетались между собой, между дикими цветами, а мальчик – слишком маленький для своего возраста, упорно прокладывал себе путь, то и дело раздвигая сплетения растений руками. Стебли скрывали его с головой, но дитя совсем позабыл о холоде утренней росы, об усталости; в голове была одна лишь мысль – дойти до конца, пройти тернистый путь, а там, на краю обрыва, узреть отца и брата. Владислав вышел на протоптанный пологий склон, карабкаясь, залез на вершину холма. Взору его открылась зеленая равнина – там где-то вдалеке внизу как на ладони простиралась от края до края долина, до самого горизонта, испещренная лентами речушек и зелеными лесами, а высоко – так, что захватывало дух – раскинулось над головой, над всем живым голубое небо, по которому плыли белые перистые облака. Мальчик расставил руки в стороны, будто собираясь взлететь, поднял лицо к небесам, зажмурил глаза от солнца: маленькая точка на фоне зеленого ковра. Сердце его учащено забилося, будто пытаясь вырваться наружу и взметнуть ввысь – туда высоко-высоко, парить-летать над всем, стать выше и дальше. И почувствовал тогда Владислав не чутьем внутренним, чем обладал сполна, а явственно – всем телом, кончиками паль-

цев, как свет входит в него, заполняет до краев нутро его, как растекается по жилам, насыщая кислородом каждую клеточку. Не сразу расслышал он голос брата, зовущего его, а когда очнулся от ощущений своих, увидел, как Казимеж, стоя подле отца, махал ему рукой, звал к себе.

– Влад, иди к нам, чего ты там один стоишь?

И вновь пришлось Владиславу спуститься в обычный-привычный мир людей, проснуться от мечтаний и неведомых дум. Медленно, переступая босыми ножками, он добрался до отца и брата, остановился чуть поодаль, как бы заранее очертив невидимую границу между ними и собой.

Станислав даже головы не повернул в сторону младшего сына: он был полностью погружен в работу, творчество – на большом белом листе, приколотым к мольберту, он старательно рисовал окружающий мир вокруг него. Казимеж с интересом, боясь пропустить даже малейшее событие, наблюдал за работой отца, Владислав же, отвернувшись от них, направился к обрыву, чувствуя, как сердце замирает от захватывающего духа.

– Влад, не подходи близко к обрыву, упадешь, – сказал ему отец, ни на секунду не прерываясь от работы.

Казимеж, понимая его и умея читать волю отца без наказа, подошел к брату, за руку отвел от опасности. Владислав покорно двинулся за ним, мыслями оставаясь в своем – отличном от их мире.

Наконец, закончив картину, Станислав оставил в сторону

кисти, устало сняв очки, проговорил:

– Пора возвращаться домой, завтракать, – помолчал, оглядывая сыновей, в особенности младшего, – ну что такое, Влад? – воскликнул Станислав, указывая на босые, холодные от росы детские ножки. – Почему босиком, без обуви? Ты же замерзнешь, заболеешь.

– Папа, – молвил Владислав, указывая куда-то в сторону, где росло дерево, – сейчас полетит стая птиц.

– О чем ты, Влад? Где же птицы? – воскликнул отец, начиная вновь злиться на видения сына.

– Смотрите! – только и смог вскричать Владислав, как по мановению его руки из-за высокой травы с криком взмыли в воздух белые птицы, пронеслись низко над землей и в миг поднялись высоко, к небу.

Владислав распростер руки: маленький, в белой длинной рубашке – сам как птичка, и вновь ринулся к обрыву, подражая их полету.

– И я с вами полечу, возьмите меня с собой! – закричал он в вышину, не боясь не услышать ничего в ответ.

К нему подошел отец, взял на руки, прижал к своей груди, стараясь укрыть от утреннего ветерка. С нескрываемой заботой, подсказанной неким родительским долгом, Станислав прикрыл ледяные детские ножонки, проговорил:

– Ах, ты мой маленький птенчик, пойдем домой, – и тут же обратился к Казимежу, – оставь мольберт, я позже за ним приду.

Все трое устремились с холма на дорогу, ведущую к дому. У ворот в немом ожидании стояла Бронислава. С улыбкой приняла она из рук мужа младшего сына, с материнской нежностью, в которой была заключена вся любовь ее, женщина покрыла детскую округлую щеку горячими поцелуями, сказала:

– Медовый мой, родной. Что же ты убежал один? – поглядела на Станислава, добавила, – а у нас сегодня желанные гости.

– Кто? – без удивления спросил мужчина, зная своих многочисленных родственников, что любили неожиданно приезжать в гости.

– Твой великий родственник Теофил Теодорович.

– Как? – всплеснул руками от радости Станислав. – И мы в таком виде стоим здесь? Дети, бегом в дом, обязательно поприветствуйте дядю!

Казимеж, Янка и Владислав – умытые, причесанные, в нарядных одеждах, робко, подбадриваемые матерью, прошли в гостиную, где напротив Станислава в почетном глубоком кресле восседал Жозеф Теофил Теодорович – великий архиепископ армянского собора во Львове и депутат польского Сейма. Бронислава подтолкнула стеснительных детей вперед, сказала:

– Вот, отче, наши дети. Янку и Казимежа вы знаете уже, а это младший наш, любимый Владислав.

Мальчик понял, что последние слова матери относились

к нему. Он робко сделал шаг вперед навстречу дяди, но остановился, боясь чего-то. Теодорович встал с кресла, вытянул размашисто руки для объятий: высокий, широкоплечий, в длинной мешковатой рясе черного цвета, а для Владислава он показался великаном. Однако, ребенок не только не испугался, как бывало ранее с незнакомцами, но сделал шаг к архиепископу, потом другой и в единый миг оказался заключенным в его крепкие объятия, чувствуя себя так уютно, так хорошо в этих больших, сильных руках. Теодорович ощутил на своей шеи тепло детских ладоней, слышал, как бьется маленькое сердце. Усадив мальчика к себе на колени, архиепископ благословил его и затем окропил святой водой. Когда брызги попали на его лицо, Владислав даже ресницами не дернул, а все также спокойно продолжал глядеть в чужое, но родное лицо, и понимал он, что этот человек – большой, суровый, любит его и не сделает ему ничего плохого.

– Станислав, – первый нарушил молчание Теофил, – когда ты приведешь Владислава на крещение?

– Но он крещен в Згеже, – ответил с недоумением тот и мельком взглянул на Брониславу.

– Да, я знаю о том. Но Владислав наша кровь и должен быть крещен по нашему армянскому обычаю, дабы никогда не забывал бы о своем происхождении и о том, какому народу он принадлежит, – голос архиепископа был тихим и спокойным, но в тоже время твердым и строгим, спорить с ним Станислав не смел.

Во время обеда Казимеж и Владислав ушли наверх отдохнуть. Выслушав новую сказку от няни, дети легли спать. Старший брат сразу же заснул, а Влад подошел к окну иглянул вниз; со второго этажа ему виделся весь двор. Он наблюдал, как отец и мать провожают дядю, как он благословляет их крестным знаменем. И сразу почему-то в его душе родилась тяжелая тоска. Он чувствовал, будто его обманывали, думал, что родители специально спроводили дядю, дабы он, Владислав, больше его не увидел. И не желал мальчик, чтобы дядя Жозеф уходил, чтобы покинул его, оставил. С трудом пересилил Влад желание выкрикнуть из окна слова прощания, лелея в сердце надежду вновь увидеть дядю.

Ручка двери повернулась, кто-то осторожно входил в комнату. Владислава бросило в жар. Забравшись под одеяло, он притворился спящим. В воздухе запахло сладким ароматом духов – то была его мама. Лишь ей одной, родимой и самой лучшей, доверился он, открылся. Бронислава медленно усе-лась на край кровати, с умилением взглянула на сына.

– Я знала, что ты не спишь, – прошептала она.

– Как ты догадалась? – недоверчиво, сузив глаза, поинтересовался Владислав.

– Я твоя мать и знаю все, что ты делаешь и о чем думаешь. Также я знаю, как ты любишь разговаривать с цветами и деревьями, понимая их язык.

– А папа ругается на меня за это. Он не верит мне, думает, что я обманываю, – печально отозвался мальчик и его кра-

сивые голубые глаза увлажнились от слез.

– Я тебе верю, – молвила Бронислава, пододвинувшись к сыну и обняв его крепко-крепко, – я верила, верю и буду верить тебе всегда, потому что люблю тебя больше всех..

Владиславу больше не хотелось плакать. С детским светлым чувством он прижался к матери, сел ближе к ее бедрам, слышал стук ее сердца, осязал, как горячая алая кровь струится по жилам. Музыка сердца матери – бум. бум, бум – была любимой для него, проходя невидимым потоком в его существо сквозь ее тонкую белую кожу.

Глава четвертая

В большом, заново отреставрированном армянском соборе во Львове, среди восточного великолепия и европейского барокко, в свете косых солнечных лучей и множества восковых свечей, от которых исходило легкое тепло, у алтаря на постаменте стоял семилетний мальчик с широко раскрытыми глазами. Над его головой свешивались блестящие хрустальные канделябры, окутывающие светом дитя. Владислав был одет в белоснежные роскошные одеяния, лицо бледное от страха неизвестного. Его уши отчетливо различали церковное песнопение на армянском языке и он понимал каждое слово, ибо давно еще – изо дня в день – заучивал наизусть армянские молитвы и Писание, повторяя их за своей бабушкой Вильгельминой.

Теперь Владислав был один: ни отца, ни матери не находились рядом. Лишь его великий дядя Теодорович в праздничной широкой сутане ходил вокруг мальчика, а за ним в великолепном величии одеяний шли семь священников – как на подбор высокие, широкоплечие. И Владислав казался на их фоне на удивление совсем маленьким – крохотная хрупкая фигурка подле темного золота и черного бархата. Балансируя между ним, Жозеф Теодорович произнес последнюю молитву и с именем Господа, полив ребенка святой водой, осенил его крестным знаменем, сказал:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

– Аминь, – вторили за ним другие священники.

– Господи, благослови Раба Твоего, чье имя станет Владимир, – Теодорович сверху вниз глянул на племянника, который вопреки всему восхищался красотой армянского собора под высоким, уходящим к небу куполом.

Отныне и впредь, до конца своих дней, новое имя Владислава перед Богом было Владимир.

Завершив таинство крещения, архиепископ вздохнул, устало улыбнулся племяннику. Теперь никто из их многочисленной армянской родни не посмеет сказать что-либо, упрекнуть родителей в том, что сын их, будучи армянином по крови, не унаследовал веру своих предков.

Владислав, хоть и был еще ребенком, но детским невинным чутьем своим многое понимал и осознавал, но выразить все это словами не мог. Он коснулся дядиной руки, с улыбкой поглядел на него снизу вверх. Архиепископ положил свою большую ладонь на голову мальчика, прошептал:

– Ну вот все и закончилось, мой родной. Тебе следует отдохнуть, ибо сегодняшней день выдался для тебя особенно трудным.

– Дядя, а ты останешься со мной? – с какой-то надеждой в голосе, едва сдерживая слезы, проговорил мальчик.

– Конечно, я буду рядом. Вы все останетесь на все последующие дни в моем доме. Мы еще поговорим.

В просторной вилле, больше напоминающий замок, архи-

епископ задал пир по случаю крещения племянника. За столом сидело много гостей – все армяне. Каждый поднимал бокал за здоровье Владислава-Владимира, сидящего на почетном месте подле отца Жозефа. Чуть поодаль разместились Станислав и Бронислава. Мать с любовью, умилением глядела на сына, из ее больших прекрасных глаз катились слезы радости. Станислав сохранял на лице хладнокровие, но в душе ликовал от гордости за маленького сына, так стойко перенесшего вынужденное одиночество перед алтарем. «Молодец, сынок, – думал он, – какой ты все-таки молодец».

Пир закончился в полночь. Дети давно улеглись спать, взрослые по-тихому стали расходиться. Когда дом опустел, слуги открыли окна, чтобы пустить прохладу в залы. Теодорофич знаком пригласил Станислава и Брониславу выйти на веранду, под ночной прохладный ветерок. Оказавшись вдалеке от посторонних глаз, дабы никто не знал тайну их беседы, архиепископ наклонился к Станиславу, тихо сказал:

– То, что я вам скажу, должно остаться тайной между нами троими. Я давно присматриваюсь к Владиславу – с той первой встречи, как увидел его. Что за удивительный малыш! Ты, Станислав, часто бываешь несправедлив к нему, а между тем, именно его судьба выбрала для великих дел. Он один прославит весь род Шейбалов.

– О чем ты говоришь, Жозеф? – хотел было выкрикнуть Станислав, но осекся, проговорил эту фразу тихим голосом.

– Я не знаю, как объяснить. Но Владислав единственный

из нас, на кого упал божий свет, он святой. Не обижай его, люби сильнее, – повернувшись к Брониславе, добавил, – береги его как мать, защищай и поддерживай во всем. Влад один лишь из нас, кто достоин этого.

А во сне Владислав вновь видел себя перед алтарем посреди великолепия собора, и здесь и там толпы людей в длинных мантиях, все они поют священные песнопения – на армянском языке. А в руках, под столбом падающего яркого света, Влад держит белого голубя – словно превознося его надо всей темной безликой толпой.

Следующим днем – прохладным еще, но по-весеннему солнечным, Станислав и Жозеф прогуливались по двору львовского собора. Некогда этот собор стоял долгое время в запустении, своды которого почти обрушились, а кирпичная кладка стены готова была вот-вот упасть на черную землю. Ныне, глядя на белоснежные толстые ряды колонн, подпирающие крыльцо и свод, на изящную позолоченную лепнину в стиле барокко, на стелу с молитвами, посвященную памяти погибших во время геноцида, от которой исходил какой-то непонятный могильный холод – в любое время года, посетители восхищались его убранством и не верили, что за короткое время собор возродился из руин.

Станиславу было не до молитв и не до лицезрения красоты. Он был зол на родственника, на жену, на сына. Придуманные слова благодарности вылетели у него из головы, вместо этого он произнес, обернувшись полубоком к архи-

епископу:

– Ну, Жозеф, теперь-то ты доволен свершенным?

– О чем это ты? – удивился тот.

– Ты понимаешь, все понимаешь. Заставил Влада крестить по армянскому обычаю. Как же!

– Разве то плохо?

– Я сам решил для своих детей, что им лучше жить в Польше, говорить на польском языке и сердцем, и душой быть поляками.

– То решил ты, Станислав. Но делают ли того же они?

– Я их отец и лучше знаю жизненный путь.

– Все может ведать лишь Господь, – Жозеф перекрестился, добавил, с упоением глядя на купол собора, – когда-то этот храм пустовал, дорога к нему заросла сорной травой, на кровле его голуби вили гнезда, а в стенах завелись мыши. Когда мой наставник назначил меня своим приемником, первое, что я сделал, то воссоздал из пепла этот собор. Сотни рук трудились над его убранством и я сам собственноручно и теми средствами, что имею, способствовал возведению места Господа. Я пригласил из Ближнего Востока армянских святых отцов, что ныне служат мессы здесь, я укрывал беженцев – голодных, обездоленных, с умирающими детьми на руках, что прятались, бежали от турок-мусульман, отнявших наши земли. И все же я остался преданным гражданином Польши, ежедневно на Сейме ли, во время проповедей ли представляю ее интересы и готов умереть за польский

народ. Но я армянин и горжусь этим. Пусть Владислав живет в Польше, говорит на ее языке, но не заставляй его забыть о предках, о крови, что течет в его жилах, ибо человек, кто отрекся от своего происхождения и народа, уподобляется дереву без корней: нет в нем силы, нет и жизни.

Станислав слушал мудрые рассуждения Жозефа, глазами уставившись на залитые солнцем каменные плиты подворья. Святой отец говорил о Владиславе, но тайный смысл слов предназначался не сыну, а ему – Станиславу.

Глава пятая

В семье Шейбалов начались сборы. Неспешно упаковывались чемоданы: одни с одеждой, другие с многочисленными подарками. Как радостно стало на душе! Они ехали в гости к родственникам, живущих в обширных поместьях на границе Польши и Румынии, там, где пролегают живописные вершины Карпат. Эта поездка до конца жизни легла в памяти Владислава как светлое, далеко-знакомое пятнышко, переплетенное в детском мозгу с дорогой по серпантинам, альпийским лугам, покрытых густой зеленой травой, белоснежными вершинами, где никогда- за столетия, не таял снег. Их поезд прибыл на станцию, откуда их забрал на машине дальний родственник отца Айваз. Через полчаса они подъехали к высоким воротам. У входа долгожданных гостей встретил дворецкий, галантным жестом пригласил входить. В огромном саду, похожем на парк, с мраморными фонтанами, ровной газонной травой с клумбами увитые виноградом беседки поражали своей изящной резьбой. В тени деревьев под белоснежными навесами уже выставлены столы, стулья вокруг покрыты белыми чехлами с бантами, неподалеку трое скрипачей во фраках наигрывали приятную мелодию.

Шейбалов окружила армянская родня: тети, дяди, их дети. Громкими разговорами приветствовали на армянском языке, женщины с длинными черными волосами и мас-

сивными золотыми украшениями с сапфирами, изумрудами и бриллиантами впервой напугали Владислава, который спрятался за подол матери от рук тетей, всей своей южной широкой душой старающихся обнять-поцеловать племянника. Вскоре мальчик привык к восточному колориту, громкому голосу родни – все то более не казалось ему пугающим и странным, Владислав понял только теперь, что горячие эмоции, армянские напевы для него куда милее и роднее, нежели спокойствие северных народов.

Слуги сменяли на подносах одно блюдо за другим. Музыканты на время ушли в тень деревьев. Захмелевший, счастливый Станислав, разгоряченный вином, вдруг схватил Владислава, посадил к себе на колени, крепко обнял и воскликнул радостным голосом:

– Вот мой младший и самый любимый сын Влад – гордость моя!

Лицо мальчика вспыхнуло маковым цветом – не привык он к похвале от отца. Он обвел всех смущенным взглядом, немного остановился на брате Казимеже: тот так и застыл с гранатовым соком в руках и во взгляде его – этом еще детском десятилетнем взоре – читались неизгладимые чувства ревности, зависти и ненависти к младшему брату – за явное превосходство последнего.

Не обращая внимания на старшего сына, Станислав, подбадриваемый женой и сестрами, продолжал:

– Представляете, Влад еще не пошел в школу, а знает

многое: пять языков – это мы с Брониславой постарались, с трех лет ходит брать уроки фортепиано, рисует почти как я. Вот наш достойный наследник! Сам отец Жозеф отличил его пред остальными.

Под громкие возгласы и тосты тети, звеня браслетами, попросили Владислава что-нибудь сыграть. Под сливовым деревом на ковре стояло пианино – специально для оркестра поставленное. Недолгое время мальчик колебался, борясь с чувством стеснительности, но пересилил себя, сел за клавиши. Поначалу робость взяла вверх и ему никак не удалось найти подходящие ноты. В воздухе повисло молчание, повсюду ощущался сладковато-приторный запах роз, смешанный с ароматами восточных духов. Присутствующие ожидали, наблюдая за мальчиком. И он, повинуясь неким невидимым силам природы, берущих свое начало от корней деревьев и трав, начал играть сороковую симфонию Моцарта. Музыка полностью проникла в него, во всем его существе растворилась, вошла во все клеточки организма. И теперь перед ним – вокруг всего мира, не существовало ничего, лишь он один – в тени развесистого дерева под высоким голубым небом.

Когда симфония была сыграна, Владека встретили бурными аплодисментами. Родственники толпой ринулись к нему, высоко всплескивая руками, обнимали его, целовали. Одна из тетей именем Арсине вручила Владиславу большой кусок бабурика – сладость из тонкого теста с ореховой начин-

кой. Он поблагодарил за угощение, но радости от комплиментов и восторгов не было: мельком Влад заметил Казимежа, с грустным лицом сидящего отдельно ото всех у пруда, и тогда он понял, почувствовал, что причина грусти брата в нем самом – разве мог он в этот миг быть счастливым?

Вечером, когда сероватый полумрак выполз из ущелий и окутал поместье тонкой темной вуалью, праздник закончился. Слуги расторопно убрали столы, унесли все в дом. Взрослые укрылись в беседке пить чай и кофе, а дети под пристальным взглядом гувернанток пошли почивать в теплые, мягкие кровати под воздушным альковым.

Владислав не спал. Он неотрывно глядел на Казимежа, лежащего на соседней кровати, и никак не мог понять, почиивает тот или нет. Казимеж не спал: он то и дело закрывал веки, потом открывал их, блуждал взглядом по комнате, глядел в серый потолок, на котором в свете от уличного фонаря отпечатались глубокие тени деревьев. Владислав приметил, что брат что-то разглядывает, тихо спросил:

– Казимеж, Казимеж. Ты не спишь?

Тот отвернулся от голоса брата, кинул в ответ:

– Отстань.

– Почему? – не унимался младший.

– Я не хочу с тобой разговаривать и дружить с тобой не буду.

Тяжкий комок рыданий застрял в горле Влада, из последних сил он старался говорить спокойнее, не заплакать.

– Это из-за сегодняшнего дня? Из-за пианино?

– Я так и знал, что тебя любят больше! Я не хотел, чтобы ты родился, а сейчас я тебя ненавижу.

Недетские слова Казимежа больно ранили Владислава, и казалось ему, будто сердце его пронзило тысячи ржавых иголок. Крупные капли слез блеснули в его красивых глазах и, помедлив, он сказал:

– Казимеж, я завтра попрошу отца, чтобы он вновь полюбил тебя более меня. Прости, я все еще хочу дружить с тобой, потому что люблю тебя.

В коридоре раздались шаги – кто-то торопливо следовал к комнате мальчиков. Казимеж приложил палец к губам и закрылся с головой под одеяло, притворившись спящим. Влад последовал его примеру. Дверь открыла няня, до которой донесся слабый детский шепот. Она решила удостовериться, что мальчишки спят, и когда она увидела закутавшихся в одеяла детей, со спокойной душой ушла. Казимеж и Владислав более не разговаривали друг с другом, обоим было тяжело: старший ревновал и завидовал, а младший никак не мог понять, за что к нему такая ненависть, что он сделал не так?

Следующим днем праздник продолжился. Теперь уже в большом зале, главным украшением которого явились мраморные колонны и большие зеркала в позолоченных рамах. Родственники Шейбалов танцевали армянские танцы. Играл патефон, женщины, мужчины и дети веселились. И вот хозяин дома – немолодой тучный мужчина с темным лицом

и зелеными глазами именем Пасакис вышел в середину зала и громко объявил, что он приглашает всех мужчин, юношей и мальчиков на танец берд. Большинство с радостью поддержали эту идею и встали в один ряд; лишь Станислав, не любивший армянские танцы, остался сидеть рядом со своей родной сестрой Вандой.

– Почему ты не танцуешь с другими мужчинами? – поинтересовалась она.

– Потому что я поляк, – с нарастающим раздражением ответил он.

– Если ты родился в Польше, то это не значит, что ты поляк. Сам стыдишься своего народа и детей учишь тому же, – женщина взяла гроздь винограда и с гордым видом ушла к толпе других дам.

Станислав глядел ей вслед, в душе – про себя – споря с сестрой, но оправдания себе не находил. И тогда стало ему стыдно и неловко за свое поведение перед лицами родственников, перед двоюродным братом Жозефом, перед младшим сыном – все мысли о нем не принесли мужчине никакого утешения, с раскаянием и обидой на самого себя подумал Станислав, что лучше бы третьему не родиться, и осекся: ребенок не виноват в неопределенности отца. Невольно взгляд его приковался к Владиславу, с задорным смехом так легко танцующего берд наравне со взрослыми дядями и двоюродными братьями. Ах, сын мой, думал Станислав, в душе любясь и гордясь им, ты ни в чем не виноват, это все я. Вла-

дислав же не чувствовал смятения в душе отца, сейчас он танцевал, веселился, громко смеялся – просто жил.

Глава шестая

Минуло несколько лет. Подросший, не по годам умный, рассудительный Владислав вступил в подростковый возраст. Отец его стал уважаемым человеком в Кременце: подумать только – один из лучших профессоров искусства, единственный фотограф города, чьи работы были представлены на собственной выставке – и фамилия Шейбал стала у всех на слуху.

Владиславу исполнилось двенадцать лет. Все такой же невысокий, крепкий, большеглазый, он отличался от других детей не только внешностью и восточным акцентом, но более своим непонятным, каким-то далеким-чужим для всех нравом. Детские игры и забавы были неинтересны ему, чаще мальчик проводил время в беседе со взрослыми: художниками, литераторами – кои ежедневно приходили к ним в гости, заполняя дом веселыми разговорами. Влад часто смеялся, вопреки установленному Станиславом правилу – ложиться детям спать после девяти часов вечера, он оставался за общим столом в гостиной, вступая в долгие диалоги с гостями. Непонятный, не принятый в кругу сверстников, Владислав жил без друзей, никто из одноклассников не желал иметь дело с ним. Несмотря на то, что в школе, где он учился, присутствовали три религии для каждого народа: католицизм для поляков и польских армян, православие для украинцев

и русских, иудаизм для евреев, объектом насмешек оставался Владислав. Было ли то следствием его характера и рассказов о своих видениях, либо зависть к его творческим талантам не только как художника и пианиста, но даже проявления его актерского мастерства, когда Влад впервые выступил в школьном спектакле в роли гриба – то было в первом классе, и с тех пор он стал членом школьного театра благодаря брату Казимежу.

Его внутренние чувства и возможность видеть, слышать и ощущать то, чего нет, сыграли с ним злую шутку и в родной семье. Однажды, будучи десятилетним мальчиком, Владислав подбежал к родителям, радостный – глаза его так и сияли, воскликнул:

– Мама, папа, сейчас придет тетя София!

Родители переглянулись, Бронислава зажала рот руками, дабы не вскрикнуть: она давно ожидала сестру у себя в гостях, но не надеялась увидеть ее этим днем. Лишь Станислав оставался хладнокровным и недовольным к сыну. Грозно взглянув на мальчика, он говорил:

– Где она? Как так?

– Она рядом, тут – совсем скоро придет, – отвечал Владислав, весь съежившись от страха перед отцом.

– Владимир! – кричал выходящий из себя Станислав. – Ты всегда говоришь, что чувствуешь приход гостей. Впредь я запрещаю тебе говорить что-то подобное, потому что я не верю в это.

Владислав опустил глаза, чувствуя себя виноватым – виноватым в своем даре, о котором он не просил. Гордая кровь выиграла в нем вопреки воли, вопреки трепету перед отцом. Он молвил:

– Я... я просто чувствую запах духов тети Софии. Я не вру, правда.

И вдруг в дверь раздался звонок. Бронислава, встрепенувшись от неожиданности, побежала открывать гостям, и когда на пороге в синей блузке и черной юбке предстала София, женщина потеряла дар речи, а изумленный до глубины души Станислав бросил полный противоречивых чувств взгляд на Владислава, понимая, что неверием своим больно ранил его. А мальчик, ни на кого не глядя, убежал в другую комнату и спрятался за спинку дивана – в самом темном углу. Там он укрылся от посторонних глаз и горько заплакал, стыдясь открытости души своей и гнева родителей, которые не верили ему, не понимали. Обидно было Владиславу, в такие моменты он чувствовал себя одиноким и покинутым, ненужным никому, непонятым даже в собственной семье.

Если отец не доверял Владу, называя с крещения его новым именем – Владимир, то что говорить о школьниках? Его чурались и отказывались играть на переменах из-за всего: необычной для поляков внешности, странной труднопроизносимой фамилии – наследие от шотландского предка, но более всего из-за размера его мужского органа, ко-

торому завидовали другие мальчики, и тогда Влад вынужден был переодеваться в самых дальних уголках раздевалок, дабы не слышать насмешек в свой адрес, что так больно ранили его.

Поворотным событием стал приход новой девочки в класс. Учитель представил ее – это была русоволосая, почти белокурая полька с задорными веснушками на курносом лице и большими глубокими глазами серо-зеленого цвета. Девочка прошла на свободное место и, усевшись за парту, принялась разглядывать класс. Многие мальчики зашептались между собой, по достоинству оценив красоту новенькой. Но взгляд девочки был прикован к одиноко сидящему Владиславу на соседнем ряду. Но тоже глядел на незнакомку – в ее чудесные, необычайно прекрасные глаза. Вдруг щеки девочки вспыхнули от смущения и она робко отвернулась, стараясь больше не смотреть на одноклассника. Владислав, темный, со смуглым лицом, все глядел и глядел на нее, любуясь ее красотой, погрузившись в новое, доселе невиданное чувство так, что не сразу расслышал голос учителя, обращенного к нему. Выйдя из оцепенения, под смешки одноклассников, Влад в недоумении глянул на доску и побледнел. Учитель строго спросил:

– Владислав, встань с места и повтори то, что я сказал.

Мальчик робко поднялся. Сердце его бешено колотилось от волнения и еще одного – непонятного – чувства.

– Ну... когда... Простите, я не слышал.

Весь класс разразился хохотом, все – кроме той новой девочки. Учитель с негодованием и жалостью взглянул на Владислава, но все же проговорил:

– Если твоя фамилия Шейбал, то это не значит, что я просто так буду ставить хорошие оценки. Сегодня ты, Влад, разочаровал меня своим невниманием. Садись, два.

Мальчик с тяжким вздохом сел на место, остро чувствуя тугой комок, сдавливающий горло. Первая двойка – и так глупо полученная. Он еще раз мельком взглянул на новенькую девочку – та сидела с таким лицом, будто наказали ее, а не его, ясно понимая, что одноклассник пострадал из-за нее. Она бросила ему полный сочувствия и досады взгляд.

На перемене девочка подошла к нему, сказала:

– Прости за сегодняшнее, а меня Катаржина зовут.

– А меня Владислав, – ответил тот.

– Ты мне понравился, – продолжала девочка, нисколько не смущаясь откровенным чувством.

– Это хорошо, а я боялся, что все будет наоборот, – Влад натянул улыбку, а взгляд его так и скользил по красивому лицу Катаржины, по ее светлым локонам.

На школьном дворе, почти у ограды высокого забора, Владислав столкнулся лицом к лицу с пятью своими одноклассниками. Каждый из них был выше его ростом и крупнее в плечах, и малорослый Влад понял, что вступать с ними в драку – безумие, одному с ними не справиться.

– Чего это ты, темнокожий, хочешь от наших девчонок? –

подошел к нему вплотную лидер класса и главный подстрекатель Кшиштоф.

– О чем ты говоришь? – выдавил из себя Влад, стараясь до последнего держать хладнокровие, не выдавать страх.

– Разве тебе не приглянулась новенькая? – смеясь, отозвался другой мальчишка, стараясь угодить Кшиштофу. – Думаешь, мы такие дураки и не видели, как ты весь урок смотрел на нее?

– Я тебя последний раз предупреждаю, черный! Держись подальше от славянских девушек, – тихо, угрожающе сказал Кшиштоф, возвышаясь над Владиславом.

– Мы с ней лишь познакомились, – словно во сне, предугадывая развязку этой истории, молвил тот.

– Нет, не только познакомились.

– Бей жиды! – крикнули четверо стоящих за спиной главаря, и не успел Влад вскрикнуть, как одноклассники повалили его на землю, стали пинать ногами по животу, спине, били кулаками по голове, разбили нос и губу, порвали пиджак.

Зажимаясь от ударов, корчась от боли, Владислав ожидал только одного – когда его закончат бить, убежать что есть сил домой, спрятаться в комнате, забыться сном. Избитого, с окровавленным лицом, оставили его одноклассники и с издевательским смехом удалились. Сплюнув на землю скопившуюся кровь, побрел Влад домой, сильно прихрамывая на правую ногу.

Бронислава при виде сына пришла в ужас. Смазав синяки

и приложив вату к разбитой губе, заботливая мать сказала:
– Завтра в школу не пойдешь, а отец разберется с произошедшим.

Вечером в кабинете Станислава состоялся долгий разговор. Строгий отец вопреки чуждому отношению к Владу, почувствовал жалость. Как-никак, но он был сын его. Грозным взором посмотрел отец на Казимежа, сделал ему выговор:

– Как так получилось, что ты, учась в той же школе, не знал, не видел, как обижают твоего младшего брата, коего ты должен защищать? Владимиру пока двенадцать лет, он ребенок. Тебе же пятнадцать.

– Но, отец... – начал было оправдываться Казимеж, но вовремя осекся, чувствуя, как Станислав готов вот-вот разразиться громом.

– Молчать! – не выдержал, крикнул на любимого сына мужчина. – Теперь оба идите. А ты, Казимеж, до конца недели после школы никуда ходить не посмеешь.

Мальчики в задумчивости вышли в коридор. Старший брат взглянул на Влада таким взором, будто все из-за него случилось, тихо спросил над ухом:

– Кто тебя так? И за что?

– Одноклассники во главе с Кшиштофом избили меня на заднем дворе, и все из-за новенькой, которая обратила на меня внимание.

– Из-за девчонки, говоришь? Кшиштоф? – Казимеж про себя усмехнулся, в голове у него назрел план.

А тем временем Станислав, пользуясь привилегиями почтенного гражданина и именем родственника Жозефа Теодоровича, следующим днем позвонил в школу и договорился о встрече с директором. Разговор был долгим и тяжелым, а директор заверил, пообещал тысячами клятвами, что более никто не посмеет и пальцем тронуть Владислава.

Через неделю, когда синяки ушли, Влад вновь прибыл в школу. Страх перед обидчиками не было – по крайней мере он мужественно держался во время драки – не заплакал, не закричал. Кшиштоф не чувствовал ни вины своей, ни сожаления. Напротив, его авторитет еще больше вырос в глазах мальчишек, для которых он стал непоколебимым лидером, с которым лучше всего было дружить. На перемене хулиганы вновь окружили Владислава – он был недобитым врагом, которого нужно было уничтожить. Кшиштоф вплотную подошел к нему, с издевательской усмешкой проговорил:

– Как дела, еврейчик? Уже позабыл наши кулаки? Может, напомнить?

Он уже хотел было с друзьями отвести Владислава за угол, побить, но вдруг почувствовал сильную мужскую руку на своем плече, оглянувшись, увидел директора школы и краска залила его лицо. Мужчина молвил ровным, но твердым голосом:

– Кшиштоф, Тадеуш, Яцек – за мной в кабинет.

Те, покорно опустив головы, в молчании последовали за директором, а Влад глядел им вслед с пустым, каменным

сердцем в душе. Он не сразу заметил, как к нему со спины подошла Катаржина – тонкая, стройная, на пол головы выше него, она тем не менее предпочла Владислава вместо высоких, светловолосых поляков.

– Ты уже выздоровел? – поинтересовалась она.

Влад вздрогнул от неожиданности. Сейчас он как никогда презирал себя за свою трусость, нерешительность и малый рост.

– Да я... немного простыл... Просто.

– Я слышала, будто ты подрался с бандой Кшиштофа: один, а их пятеро. Ты молодец, не каждый осмелится на такой шаг.

Всё внутри Владислава затрепетало. Новое чувство, доселе невиданное, до сей поры непонятное, родилось в нём. Он силился понять-узнать, что это такое, но вместо всего ощутил, как нежная волна окутывает его душу неизъяснимой пеленой и он, сам того не ведая, взял Катаржину за руку.

Глава седьмая

Была зима. Еще первые дни декабря - холодные, но не морозные. Днем шел дождь со снегом, а ночью, над землей за окнами разыгралась метель. Порывистый ледяной ветер гнал снежинки, завывал их в воронку, жалобно завывал через щели глухим страшным шепотом, словно десятки призраков вышли из заточения, дабы исполнить свой последний пляс.

В комнате, однако, было тепло. Откинув одеяло, Владислав почивал в мягкой, уютной кровати. Спал он плохо, то и дело постанывая и ворочаясь во сне. И видел он в сновидении своем дядю Жозефа, которого так горячо любил. Архиепископ виделся ему совсем молодым, стройным и статным. Как будто стояли они друг напротив друга под сводами старинного, давно забытого храма, подпираемый массивными белоснежными колоннами, уходящими далеко-далеко в небо, а сквозь щели его струился завораживающий яркий свет. Владислав так и стоял, не произнося ни слова, он наблюдал. А отец Жозеф раскрыл бархатную ткань, в ней оказалась золотая книга. И архиепископ, осторожно взяв эту книгу, подошел к юноше, отдал ее ему, а потом развернулся и стал удаляться в простор, раскрывшийся в лучах яркого света. Влад заплакал, он хотел было ринуться следом за дядей, но не мог даже пошевелить рукой, и тогда он закричал

ему вслед:

– Не уходи, не покидай меня! – но сероватый силуэт медленно растворился в бескрайнем просторе.

Владислав резко проснулся. Вся подушка была мокрой от слез. Оказалось, он плакал наяву, не чувствуя этого. В каком-то полутрансе, не понимая до конца где находится, юноша машинально, повинаясь привычке, добрался до спальни родителей и без стука вбежал туда. Мать и отец почивали, но Бронислава чутьем материнским осознала, что сын рядом, пробудилась, а за ней и Станислав. Две пары глаз в недоумении глядели на сына – бледного, с покрасневшими от слез глазами, испуганного.

– Что случилось, Влад? – не своим голосом крикнул отец и это-то заставило юношу окончательно прийти в себя.

– Дядя... дядя Жозеф умер, – чужим, словно замогильным голосом ответил Владислав и посмотрел над головами родителей куда-то в пустоту.

«Господи», – прошептала Бронислава, перекрестившись, она всегда верила сыну, в глубине души смирившись с его избранной непохожестью. Станислав вскочил с кровати и, подбежав к юноше, затряс его за плечи, неистово воскликнув:

– Что за шутки, Владимир? Ты окончательно сошел с ума, да? Отправить бы тебя в сумасшедший дом, чтобы ты более не беспокоил нас такими выходками. Смотри, мать довел до слез.

– Станислав, прошу, не говори таких слов. Он же наш

сын! – с мольбой в голосе промолвила женщина, всплеснув руками, золотые браслеты со звоном скатились до локтя.

– Молчи, Бронислава, теперь уж молчи. Это все твое воспитание. Лаской хотела учить сына, а он теперь издевается.

Владиславу стало несносно слышать обвинения в адрес матери, которую он горячо любил и которая являла ему чистый святой образ. Но он также понимал, что грех обвинять и отца, и посему сказал, дабы не обидеть их обоих – самых дорогих сердцу людей:

– Папа, не злись на маму. Я видел, мне приснился сон, как дядя Жозеф ушел... ушел навсегда.

– Что ты хочешь этим сказать? – Станислав резко почувствовал тревогу, будто холод пробежал по всему телу. Отвернувшись от сына, мужчина глянул на жену, тихо, почти шепотом, проговорил:

– Звони племяннице моей матери. Кажется... – он не договорил, боясь молвить что-то не то, махнул рукой, – звони прямо сейчас.

Бронислава, накинув на плечи халат, собралась было спуститься на первый этаж к телефону, но ее опередили: все трое услышали звонок, Янка взяла трубку, наступила тишина. Торопливые шаги раздались по лестнице, Янка вбежала в спальню родителей, по ее щекам текли слезы. Совладав с собою, девушка набрала в легкие воздуха, произнесла:

– Мама, папа... дядя Жозеф умер... Сегодняшней ночью. В молчании – гнетущем, зловещем раздавался скрип го-

лых веток об окна и крышу дома, вой ледяного зимнего ветра. Один лишь Владислав, как-то весь ожившись, подошел к окну и взглянул в ночное небо, в котором тускло белела луна. «Ты отдал мне волю, ты вручил ее лишь мне одному», – про себя говорил он, ожидая немого ответа.

Весь Львов, все католические святые отцы и пасторы хоронили архиепископа и политика Жозефа Теофила Теодоровича. Сам Папа Римский послал делегацию людей, дабы отдать должное памяти великого проповедника.

Затерявшись в толпе граждан из мирян, Владислав отстал от родных, силился продвинуться в первый ряд. У него почти получилось, но диаконы не пустили его, оттолкнули.

– Тише, мальчик, сюда нельзя, – сказал один из них.

– Пустите меня к архиепископу, он был моим дядей, – не унимался Владислав, порываясь прорваться сквозь цепь священнослужителей.

– Да не положено вам, молодой человек, – подошедший один из молодых клириков оттолкнул юношу в толпу мирян.

Началась давка. Он оступился, задел пожилую даму, та стала голосить:

– Несносный мальчишка! Не путайся под ногами.

Даме на помощь пришел дородный мужчина с густой черной бородой, большой как медведь. Одной рукой он сгреб испуганного Владислава за ворот пальто и бросил подальше – в конец толпы. Обозленный на невежество люда, несчастный от смерти дяди, Влад сдвинул шляпу на лоб

и в бессилии выбрался к столбу, опустив глаза. В душе было также пусто, холодно и печально.

Ночью ему не спалось. Невидящим взором он глядел в потолок, о чем-то думал. Все так быстро случилось – как перевернуть страницу книги. Не успел свыкнуться с одним периодом жизни, как на пороге стоит другой. Ему не известно было, какие перемены ожидали его, всю семью, родных, но внутренним чутьем ведал: жизнь обернется иной стороной, вот только какой?

Под утро ему удалось заснуть. Уставшее тело, тяжелый от различных мыслей мозг просто отключились. Сквозь явь и полужабытье Владислав расслышал знакомый, почти позабытый голос, сквозь туман зовущий его. Юноша открыл глаза и заметил, что находится в соборе – том самом, где его крестили восемь лет назад. Посреди зала стояли два кресла: резные, с дорогой обивкой. Не долго думая, он сел в одно из них и тут же перед ним возник Жозеф Теодорович – таким, каким запомнил его Влад в детском возрасте. Оба сидели молча друг напротив друга, а вокруг более ничего не было.

– Ты хотел видеть меня, Владимир, и вот я здесь, – первый заговорил архиепископ, – я так соскучился по тебе.

– Дядя, не уходи, не покидай меня, – ринулся со слезами к нему Владислав, прижался лбом к его деснице.

Жозеф провел ладонью по его голове, жалея по-отцовски, ответил:

– У меня много работы, я не могу остаться здесь. Но когда я закончу свои дела, то приду за тобой.

– Когда?

– Не скоро. Помнишь, я тебе книгу дал? Не теряй ее, она твоя сила и твоя ноша. Справишься ли ты?

Владислав поднял на дядю глаза, прошептал:

– Справлюсь.

Архиепископ улыбнулся, перекрестил племянника:

– Я благословляю тебя, а теперь возвращайся назад, тебя там ждут.

Владислав пробудился. На часах было уже одиннадцать утра. День выдался пасмурным, холодным. В груди под ребрами, там, где билось сердце, лежала давящая пустота. Какое-то непонятное чувство волнения разом охватило его. А через двадцать дней все будут праздновать Рождество.

Глава восьмая

Минул год. Стоял теплый, еще по-летнему солнечный сентябрь. Листья деревьев только тронуло золотистой пылью. В безоблачном голубом небе кружилась стая голубей, где-то вдалеке в воздухе прозвенел колокол православного храма.

По длинной узкой аллее городского парка, радостно заодно переговариваясь, шла пара: юноша и девушка, оба в школьной форме, немного уставшие, но довольные, что еще один учебный день подошел к концу. То были Владислав и Катаржина. Их чувства и симпатия друг к другу с возрастом переросли в нечто иное, более глубокое и серьезное. То была любовь. У пруда они остановились. Девушка достала кулек сухарей, бросила горсть в воду лебедям. Влад с упоением наблюдал за ней, необычайно красивой в лучах солнца. Он приблизился к ней, сжал в объятиях, тихо проговорил:

– Когда окончим школу, я попрошу отца и мать прийти к твоим родителям свататься.

– А разве мы не можем решить наши судьбы вдвоем?

– По нашим обычаям нельзя идти против воли отца и матери. Родительское благословение для нас, армян, очень важно.

Катаржина серьезно посмотрела на него, несколько смущенная. Владислав прижал ее к себе, водя рукой по ее бело-

курым волосам. Девушка теперь была ниже него, ненамного, но ниже. Она коснулась его лба, провела пальчиками по скулам, еще детско-округлому подбородку с ямочкой. Она любовалась Владом, с восторгом глядела в его красивое смуглое лицо с необычно огромными зеленовато-голубыми глазами под черными дугообразными бровями. Влад слегка дернулся телом, что-то новое, странное почувствовал он, будто жар разлился по жилам. Щеки его покраснели в смущении, он прошептал:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Он наклонился. Катаржина, сама смущенная и в то же время гордая собой и им, коснулась его губ, после чего резко отодвинулась, испугавшись.

– Почему ты отстранилась от меня? – в недоумении спросил Владислав.

– Не знаю... я смущаюсь, боюсь. До этого никогда не целовалась.

– И я тоже, Катаржина. Я тоже. А теперь иди ко мне, – он широко раскрыл руки для объятий и девушка ринулась к нему, прижалась к его груди, подушечками пальцев глядя выпирающие его ключицы.

– Влад, – прошептала девушка, поглядев на него, – а как будет по-армянски «я тебя люблю»?

– Ес кез сирумем. Ес кез сирумем, – дважды повторил он.

– Ес кез... сиру... – Катаржина рассмеялась своей неловкости в произношении чуждого языка.

– Давай вместе, – предложил Владислав и медленно произнес, девушка за ним, – ес кез сирумем.

– Ес кез сирумем, Владислав, – прошептала Катаржина.

– Ес кез сирумем, Кати, – тихо вторил он в ответ.

Держась за руки, они уселись на мягкую траву – как легко, как свободно и радостно находиться вот так рядом, ощущать прикосновение кожи, слышать горячее дыхание! Владислав прижал Катаржину к своей груди – из-под рубахи ясно ощущалось быстрое биение сердца. Он не хотел ни о чем говорить, только просто сидеть в молчании, наслаждаясь близостью с любимой. Девушка нарушила тишину первой:

– А ты правда знаешь армянский язык?

– Конечно, с самого рождения я говорю на нем. Помимо прочего отец и мать общались с нами на польском и немецком. Были у нас и две гувернантки: украинка и француженка – обе они учили нас своим языкам.

– Получается, ты знаешь пять языков?! – восторженно ответила Катаржина. – Тебе повезло родиться в такой семье.

Владислав потупил взор. Былая радость от первого поцелуя сменилась грустью. Глубоко вздохнув, он потерял траву, собираясь с мыслями, проговорил:

– Да как тебе сказать: повезло или нет? Моя бабушка по отцовой линии происходила из знатного дворянского рода польских армян, она была родственницей великого архиепископа Жозефа Теодоровича – моего двоюродного дяди, который и крестил меня, семилетнего мальчика. А сам

наш дворянский род восходит далеко, в глубину веков – к древним царям Армении.

– Получается, ты царского рода?! Ты принц Армении, мой прекрасный принц! – она еще крепче прижалась к его плечу, из последних сил стараясь развеселить его, но Влад все также с грустью глядел на пруд, на тени от деревьев, продолжил рассказ:

– Да, я принц без владений. Царь без царства, с незавидной судьбой, не понятный всеми. Я никому не говорил, а тебе лишь скажу, – юноша обернулся к Катаржине, в его красивых глазах блестели невыплаканные слезы, – я шутка, всего лишь шутка – так называет меня родной отец. Я разочарование в семье, никем неожиданный. Еще до моего рождения, когда я находился в материнском утробе, родные мои ожидали девочку, готовили платица, кукол, банты – все для маленькой принцессы, и какая была неожиданность для всех, когда бабушка – мамина мама, приняла меня впервые на руки, воскликнула: это мальчик! Отец не хотел сына, он мечтал о младшей дочери, ибо у меня уже был брат Казимеж – его-то все обожают. А я лишь шутка с необузданной фантазией. Но я как-никак благодарен отцу, он столько многое дал мне. С рождения я не нуждался ни в чем; родители, тети, дяди уделяли должное внимание моему образованию. Помимо языков с трех лет я обучаюсь музыке и изобразительному искусству, мировой литературе, философии – все как и принято в дворянских семьях. Отец сейчас немного обучил нас

с братом искусству фотографии, но мне более по душе кисть и краски. Но из-за отца я так и не научился читать и писать по-армянски. Никогда не забуду долгие уроки с тетей Вандой – по отцу; она часто оставалась со мной в отдельной комнате и рассказывала об Армении, ее истории. Ты знаешь, наш язык самый древний, остальные древние наречия исчезли, умерли, а наш жив – благодаря христианству, ведь это мы, армяне, первыми перешли к Христу единым народом, за что и расплачиваемся по сей день. Мы бы и уехали на нашу родину, да только нет ее ныне. Турки отняли ее у нас, изгнали из наших домов, убивали, вырезали, не жалея ни детей, ни стариков, ни женщин – за то лишь, что мы верим во Христа, а те в Аллаха. Но мы не отреклись от нашей веры, живем в разных странах. Нас, армян, осталось мало. Как когда-то иудеи разбрелись по миру, так теперь и мы.

Владислав замолк на короткое время, оглянулся по сторонам. Над головой качались кроны деревьев, сквозь их листву и ветви на землю падали косые лучи солнца. Юноша улыбнулся Катаржине какой-то виновато-измученной улыбкой, продолжал:

– Тетя Ванда многое говорила, потому что много знала. Именно она решила учить меня армянской письменности – красивой, не похожей ни на одну другую. Но тетя не успела обучить меня всему, что знала сама. Однажды в комнату вошел отец, лицо его было строго-холодным; он поглядел на нас и крикнул тете Ванде: «Хватит всей этой чепухи!

Я не желаю, чтобы ты путала моего ребенка родословной, оставь это себе. Он родился в Польше и будет жить как поляк!» После ссоры родных мои уроки о нашем народе прекратились, а я так скучаю по ним. Это был мой рай: мой детский, крошечный рай.

Катаржина слушала его, не перебивала. Ей было интересно. Она подумала, как важно для Влада высказаться, излить все, что накопилось у него в душе. Вопреки всему, девушка увидела сидящего перед ней человека – совершенно иного, нежели прежде, не того, кого она до этого. Владислав сидел рядом с ней: невысокий, крепкий, хорошо одетый, с благородным отчетливо выточенным лицом, а в душе – где-то там в глубине жил иной человек с другим взглядом на жизнь: добрый, мягкий, эмоциональный. Девушка плотнее прижалась к нему, поцеловала в смуглую щеку.

– Какой же ты у меня хороший, Влад! – Катаржина слегка улыбнулась, сжала его пальцы рук.

– Для тебя я всегда останусь таким, только обещай, что будешь рядом, не бросай меня.

Вместо ответа она поцеловала его в губы – второй раз, и поцелуй этот сказал больше тысячи слов.

Домой Владислав вернулся после обеда. Уставший, голодный, но счастливый, он быстро съел свой обед, приготовленный заботливыми руками Брониславы, и отправился через поле, дальше вверх по холму туда, где иной раз любил работать Станислав, черпая вдохновение в окружающей красо-

те. Жесткая трава приятно колола руки, когда Влад уселся, опершись ладонями в землю, жмурясь, глядел на ясное голубое небо, по которому плыли перистые облака. Также тихо, безмятежно стало и в душе его, он любит – его любят. Всегда чуждый людям, непонятый ими, далекий от них, юноша, наконец, осознал, что кому-то сейчас он действительно нужен, что он не зря живет на этом свете. Когда-то Казимеж в сердцах высказал, что лучше бы ему вообще не рождаться, что даже в семье он лишний. Потом, конечно, брат искренне извинился за столь богомерзкие слова, чувствуя вину за собой. Владислав простил Казимежа, но эти слова все равно остались у него в памяти и, хуже всего, была в них горькая для него правда.

Сейчас ссора с братом вновь предстала перед его мысленным взором. Владислав глубоко вздохнул, он носом вбирал в себя душистый запах полей, где-то там – у горизонта, сливающихся с южной русской степью. Он наблюдал, как окрестные холмы и леса вдалеке окрашивались золотисто-красноватым сиянием заходящего вечернего солнца. Но не окрестности Кременца виделись ему. Словно по волшебству открылась невидимая дверь – как за кулисы в театре, где он проводил время будучи мальчиком: тетя София была оперной певицей и часто брала любимого племянника на свои концерты, чему он был несказанно горд. Ныне не в пьесе, а вот – наяву, в жизни, Влад узрел новую картину: видел доселе незнакомую, но понятную землю, окайм-

ленную покрытыми снегом горами. Повсюду, на сколько хватало глаз, простирались точно волны горные сопки: высокие, средние, низкие. Владислав не знал, но чувствовал – это не Польша, не Австрия и даже не Шотландия, откуда происходил его предок, оставивший после себя лишь фамилию, растворив свою шотландскую кровь в армянской. Так вот, что это за страна – Армения! В жилах его закипела кровь от радостного возбуждения. Он дома, он вернулся на свою родину, он любит ее, вдыхает ее чистый горный воздух. Где-то вдали, в ущелье меж скалами, виднелся монастырь, от которого донесся колокольный звон. Владислав замер, почувствовав на плече легкое касание. Кто-то тихо, осторожно подошел к нему сзади, позвал по имени. Этот голос узнал он сразу – дядя Жозеф! Влад силился обернуться, сказать что-нибудь в ответ, но язык словно прилип к нёбу, все тело затвердело, стало каменным, а дядя продолжал настойчиво повторять:

– Владислав, Владислав! Очнись!

Голос становился все настойчивее и настойчивее, он уже не говорил, а кричал. Влад сделал над собой последнее усилие, резко повернулся и... очнулся. Было уже темно, на небе горели звезды. Подле него на корточках сидел Казимеж: это он пытался разбудить младшего брата. Испуганный, почему-то весь вспотевший, Владислав удивленными глазами посмотрел на Казимежа, пытаясь разглядеть что-то в темноте. Тот понял смятение брата, сказал:

– Наконец, ты очнулся, Влад. Пойдем со мной, уже поздно.

– Где я? – словно в трансе прошептал юноша, вставая с помощью Казимежа на ноги.

– Ты замерз, устал. Я отведу тебя домой. Ну же, пойдем.

– Мне страшно, Казимеж, – вторил свое Влад, еле переставляя ноги, следуя за братом, – здесь все по-иному, все изменится. Я боюсь оставаться в Кременце, боюсь.

Никто не воспринял его слова всерьез, да и сам Владислав не мог понять, объяснить свои видения и пророчества.

Глава девятая

Владислав не знал, не видел внутренним взором, что произойдет, но ясно понимал – случится важное событие, изменившее столько судеб и ход истории. И это произошло.

Он тогда гостил у дяди Адама во Львове. Юноша любил тихую, мирную жизнь в семье младшего брата отца, ему нравилась и супруга Адама – Мария, тихая, кроткая молодая дама, невысокая, хрупкая. Дядя был майором польской армии, фотографом, решив пойти по стопам Станислава. И все же эти два брата являли собой две противоположности: старший – голубоглазый, темноволосый; младший полностью походил на мать – жгучий брюнет с большими карими глазами, смуглокожий. Также они различались по характеру: Станислав – властный, строгий, не терпящий пререканий; Адам же был мягок и спокоен, ведомый. У Владислава с ним установились родственно-дружеские отношения, молодой человек чаще чем с отцом делился с дядей тайнами и мечтами, зная, что тот всегда поддержит и даст верный совет.

Однажды в один из дней – погожий, солнечный, Влад и Адам прогуливались по Львову. По дороге они шли мимо дворца, некогда принадлежащего отцу Жозефу. Почему-то сегодня Владиславу не хотелось идти по той улице, чувствовал он, как тугой комок сдавливает горло. Не успели они подойти к воротам, как услышали доносившиеся со дво-

ра истошные крики и удар ломающейся мебели. Несколько человек в неизвестной форме держали ворота нараспашку, остальные грузили в машину все самое ценное, что было в доме. Из дворца с воплем и проклятием выбежали двое слуг, пытающиеся остановить мародеров, но те сделали знак кому-то, из машины вышли двое с пистолетами в руках. Направив дуло в сторону испуганных слуг, неизвестные громко крикнули тем что-то на русском, после скрылись во дворце.

Широко раскрытыми очами, весь бледный от злости и испуга, Владислав хотел было кинуться с кулаками на вооруженных неизвестных, не дать поругать память дяди, но Адам вовремя схватил племянника за локоть, потянул в безопасное место. Сидя в укрытии, мужчина прошептал:

– Оставайся пока здесь и наблюдай, не лезь на рожон.

– Зачем? Они не смеют, не должны так поступать! Какое они имеют право осквернять светлую память дяди Жозефа? -хотел было крикнуть, но зашептал Влад.

– Жди. Когда они уйдут, мы все и узнаем.

Неизвестные, доверху нагрузив кузов необычайно дороги-ми вещами, уехали, оставив у распахнутых поломанных ворот испуганных, ошеломленных произошедшим слуг. Владислав и Адам вышли из укрытия, на одеревенелых ногах приблизились к дому покойного родственника. Слуги их узнали, пригласили войти. Сердце Владислава ёкнуло: страшная, ужасающая картина предстала перед его взором. Все самое ценное, что с таким трепетом собирал Жозеф Тео-

дорович, было разграблено, а все ненужное им – поломано. Окна разбиты, двери вышиблены, на полу лежали осколки посуды и щепки от мебели. Жуткая картина апокалипсиса. Адам и Владислав уселись на уцелевшие стулья, со страхом и болью осматриваясь по сторонам: давно ли здесь царили мир и покой христианского бытия? Ныне не осталось ничего.

Владислав силился не закричать, не заплакать от отчаяния, тяжелое, тревожное предчувствие вновь родилось в его душе. Один из слуг принес гостям чай, поведал о случившемся:

– Коммунисты, прельщенные дьяволом, поначалу расправились с царем в некогда великой Российской Империи, ныне явились словно бесы сюда, дабы забрать эти земли под свою руку.

– Какого черта им понадобился дом отца Жозефа? – воскликнул разозленный Адам, отставив чашку чая в сторону.

– Им нужен был не этот дом, а тело нашего архиепископа. Пройшей ночью враги явились на кладбище, при свете фонаря рылись в могиле святого отца. Как огромные страшные крысы под покровом ночи вскрыли гроб, но не нашли святых останков. Благо, ученики отца Жозефа из числа монахов, ранее предупрежденные, в тайне перезахоронили тело в чужой могиле, чтобы враги не смогли отыскать его.

Влад молча слушал слугу. Страшные слова его горькими каплями падали на его сердце, жгли, причиняя боль. Вечером того же дня юноша поспешно засобирался домой, томи-

мый каким-то непонятным странным предчувствием. В Кременце его поджидали отец и мать, сестра и брат. Они рассказали, что коммунизм ворвался словно ураган – порывистый, смертельный на эту землю и теперь город да и вся восточная Польша присоединена к Украине, а Украина вошла в состав Советского Союза. По указу большинство поляков будут перенаправлены в Сибирь и Дальний Восток, на русский север, но так как Шейбалы армяне, их не тронут, но получить паспорта другого государства нужно как можно скорее.

Рано утром вся семья отправилась в паспортный стол – менять старые документы на новые, советские. Полдня они простояли в очереди, в душном коридоре. Люди как дикие звери ругались, чуть ли не дрались за место в очереди; кто-то ушел, кто-то пытался ложью пробраться без ожидания. Владислав глядел на все это со стороны и ему почему-то стало страшно, он томился, устал, ему хотелось есть, но вместо этого юноша остался дожидаться своей очереди. Наконец, через три часа он вошел в кабинет, в котором стояли два стола, полки в углах были завалены кипой желтых бумаг, каких-то коробок, папок. Владислав робко прошел к столу, за которым сидела темноволосая тучная женщина в очках, ее грозный, недовольный взгляд скользнул по вошедшему, грубо кинула:

– Садитесь, молодой человек. Документы.

Трясущимися руками, разволнованный под строгим взором женщины, Владислав протянул польский паспорт, та так

и вырвала без совести документ, а открыв, ехидно усмехнулась, спросила:

– Шейбал Владислав-Рудольф, ну и имя. Кто хоть по национальности? Еврей?

– Армянин, – ответил юноша, сжав в волнении пальцы в мокрых ладонях.

– И чего к себе на родину не уезжаешь? В Европе лучше?

– Это не я решаю, а отец.

– Отчество какое у вас?

– Что, простите?

– Отчество, имя отца назовите.

– Станислав Шейбал.

– Хорошо. В советском паспорте у вас будет записано так: Шейбал Владимир Станиславович, национальность – армянин, год рождения 12 марта 1923 года. Распишитесь, – она подала ему бланк, он быстро поставил свою подпись, желая поскорее выйти из кабинета. Перед уходом он услышал голос паспортистки:

– В течении месяца паспорт будет готов, об этом узнаете на стенде.

– Спасибо, до свидания, – Владислав чуть ли ни бегом вышел из кабинета, радостный, что, наконец, все решено.

ЧАСТЬ 2

Глава первая

Какая-то непонятная тревога нарастала изо дня в день. Люди понимали, чувствовали, что враг-захватчик придет. Рериховцы, установив власть в немецких землях, пошли войной на восток – на соседние государства, и главным их противником был сильный обширный Советский Союз. Шейбалы ненавидели коммунизм, но теперь, оказавшись гражданами Украины, а, следовательно, и гражданами Союза, молились о том, чтобы в этой войне Германия потерпела бы крах.

Владислав слышал от знакомых, от родственников матери, в каком бедственном положении оказались поляки. Немцы, лишая их жилищ, отправляли несчастных в плен. Юноша внимал в происходящее и его сердце сжималось от горя. Он не был по крови славянином, но искренне дружил, поддерживал теплые отношения и с русскими, и с украинцами, и с поляками. И ему не хотелось, чтобы эти народы были уничтожены. После уроков они с Катаржиной убежали от посторонних глаз, долго без слов сидели, прижавшись друг к другу, ясно осознавая, что мира не бывает на этой земле.

– Что будет с нами со всеми, Влад? Я не хочу умирать, – говорила девушка и голос ее дрожал.

– И я не хочу. Никто не хочет расстаться с жизнью, лишь глупцы, – отвечал он ей.

Однажды утром по улицам Кременца раздались протяжные голоса, преимущественно женские. Многие жители выходили из домов, у обочин наблюдали за беженцами из пограничных сел и деревень. Толпа несчастных несли за плечами свои пожитки, на руках матерей громко плакали испуганные голодные дети. Станислав вместе с домочадцами вышли за ворота, широко открытыми от ужаса глазами провожали беженцев. Одна оборванная немолодая женщина с потемневшим от пыли лицом подошла к ним, словно с того света воскликнула каким-то страшным-непонятым голосом:

– Уходите, бегите, иначе вы все погибнете, – и с пустым взором пошла дальше.

К Станиславу повернулся Влад, прошептал:

– Что будем делать, папа?

– Не знаю, сын мой, не знаю...

Ночью в городе раздались взрывы, где-то в двух кварталах началась стрельба, потом пронесся истошный человеческий крик и все разом стихло. Пользуясь передышкой, Шейбалы собрали все необходимое и спустились в подвал. Там было сыро и холодно, пахло плесенью и мышинным пометом. Бронислава раздала всем теплые одеяла – они служили как бы защитой от холода. Вдруг где-то неподалеку упала бомба

на один из соседских домов. Земля колыхнулась, по ней пробежала дрожь как во время землетрясения. В ушах зазвенело и на секунду пространство как бы упало в колодезь: ничего не было слышно кроме давящего звона. Вторая бомба упала совсем рядом, возможно, во двор. Дом задрожал, но устоял. Владислав в страхе сжался на полу, усевшись подле матери. Более отчаянный Казимеж притиснулся к щели, старался разглядеть что творится извне, но Станислав грубо потянул его за локоть вниз, пригрозил:

– Не суйся, снаружи опасно. Нельзя, чтобы нас заметили.

Так они просидели полночи. Когда все стихло – стало так спокойно, будто весь мир исчез, оттого в душе поселился страх. Станислав сделал всем знак выходить наружу. Выбравшись из старого подвала, они заметили полуразрушенные ворота, сам дом остался цел, если не считать выбитых окон. Войдя внутрь, семья принялась подметать пол, выносить осколки стекла в конец сада. Никто не спал. Все боялись, чего-то выжидали.

Последующие дни взрывы и стрельба повторялись. Половина горожан оказались под завалами. И вот ночью раздались новые волны огня и пламени, всю улицу застилал удушливый смрадный дым. Шейбалы оставались в подвале – там хотя бы было безопасно. Что-то подсказало Владиславу – то ли внутренний голос, то ли какое-то чутье, что необходимо выбираться, скрыться где-нибудь в саду, вдали от дома, он уже собрался было вылезать наружу, как гневный голос

отца, которого он боялся, остановил его:

– Куда ты направился, Владимир?

– Нам следует уходить и поскорее, – ответил тот торопливо.

– Мы никуда не пойдем, переждем здесь – в безопасности, и ты тоже.

– Но, отец, мне... я чувствую... – начал было Влад, но замолчал, не желая ругаться с родными.

– Я предупреждаю тебя, – Станислав погрозил пальцем у лица сына, сдерживаясь, дабы не закричать на него, -мне не нравится, когда ты...

Мужчина не успел договорить: взрыв произошел как раз подле дома. Словно рев дикого зверя над головой пронеслась волна как при землетрясении и все услышали звук падающих досок и кусков черепицы. Никто не проронил ни слова, лишь в ужасе ожидали, что будет дальше. Секунды растянулись в минуты – наступило безвременье. Вдруг где-то в саду раздались голоса, несколько человек, громко смеясь, переговаривались на немецком языке. Их шаги становились все ближе и ближе. Немцы вошли на крыльцо дома, что-то выломали, их голоса растворились где-то внутри дома. Все еще пребывая в ужасе и растерянности, Станислав приблизился к младшему сыну, схватил его за плечи, затряс:

– Ты предвидел это? Правда?

– Да, предвидел, а ты мне не верил, – в голосе юноши звучала досада, он из последних сил сдерживался не запла-

кать, – ты мне никогда не верил...

– Прости, сынок, – мужчина обнял его, чувствуя глубокую вину перед ним.

Казимеж приблизился было к выходу, дабы удостовериться в том – ушли враги или нет, как вдруг заметил прямо перед глазами ноги, обутое в черные высокие сапоги. Незнакомец откинул несколько досок, осветил во внутрь подвала: там, в страхе прижавшись друг к другу, сидели бледные от ужаса пять человек. Немец сплюнул, с издевательским смехом направив пистолет на них, сказал:

– Комер, комер. Шнеле, шнеле!

Шейбалы на одеревенелых ногах один за другим выбрались из подвала под присмотром вооруженного гестаповца. Взору их предстала страшная апокалиптическая картина: ворота были полностью выломаны, верхний этаж дома сильно накренился в сторону, готовый вот-вот рухнуть на землю, окна и двери выбиты. Из дома на крыльцо вышли еще двое, неся в руках самое ценное. Их товарищ указал на Шейбалов, проговорил:

– Прятались, проклятые.

– Ничего, скоро решим, что с ними делать, – ответил другой.

Станислав ждал своего часа, мозг его начал работать с удвоенной быстротой. Дабы спасти семью, за которую он был в ответе, художник проговорил:

– Отпустите нас, мы уйдем в Польшу, в Варшаву.

– Как так? – спросил гестаповец, играя в руках пистолетом для устрашения. – А разве вы не армяне, ради которых мы и пришли сюда? Знаешь, что мы делаем в вашем народе, нет? Мы их сжигаем живьем, в газовых камерах!

Станислав побледнел. Он окинул взглядом семью – все они стояли словно приговоренные к смерти, ни сказать, ни сделать ничего не могли. Мужчина осознал, что есть последний способ – еще один шанс спасти родных, и тогда он проговорил низким голосом:

– Мы не армяне, а поляки. Фамилию Шейбал я унаследовал от предка-шотландца. Мы хотим вернуться домой.

– По-моему он врет, – проговорил один, – посмотри на их лица – какие они поляки?

– А если говорит правду? – возразил другой.

– Правда или нет, все без разницы. В любом случае им не жить, скоро от Польши камня на камне не останется.

– Что делать тогда?

– Пусть собирают свои вещи и уходят.

Один из немцев повернулся к Станиславу, глаза его были злы и жестоки.

– Послушай, – сказал он, – правду ты говоришь или лжешь, не наша забота. Собирай вещи и уходи куда хочешь, но только без шуток.

Станислав в душе возблагодарил Бога, они были спасены. Хотя бы на некоторое время. Собрав лишь одежду и несколько книг, Шейбалы покинули Кременец. Когда они выходили

на крыльцо с котомками за спиной, тот немец вновь приблизился к Станиславу, пригрозил:

– Ты будешь вместе с остальными переходить границу как открытый заложник. Если кто-либо из вас обернется назад или опустит руки, мы будем стрелять.

– Если не согласишься на такие условия, мы убьем одного из вас. Ну, скажем, вот этого мальчишку, – гестаповец подошел к Владиславу и, схватив его за волосы, резко потянул назад, приставив к кадыку нож.

Ноги Владислава подкосились, он затаил дыхание, боясь сделать хоть одно движение. Бронислава истошно закричала: не могли вынести материнские глаза такого. Чуть ли не падая на колени перед немцами, обезумевшая от горя и страха за сына, женщина протянула руки, с мольбой просила:

– Убейте лучше меня, но только не моего мальчика! Он же еще ребенок.

– Молчи, женщина, иначе мы убьем на твоих глазах всех ваших выродков! – закричал гестаповец, но юношу отпустил.

Бронислава, плача от радости, притянула сына к себе, прижала к груди. Станислав глянул на родных, его лицо посерело от перенесенного потрясения, не меньше жены он испугался за жизнь сына, но не признался в том никому, даже виду не подал. Чужим, словно из далекой пещеры голосом – низким, глухим, он проговорил по-русски:

– Покуда мы не достигнем Варшавы, то ни одно армянское слово не должно быть произнесено из ваших уст, даже между

собой, – взглянул на Влада, добавил, – особенно это касается тебя. Только так мы останемся в живых.

Они вышли за ворота, вернее то, что осталось от них. И вдруг за их спинами с ревом вспыхнул дом, в пламени пожара затрещали стены и кровля, с грохотом на землю посыпались кирпичи и обгорелые доски. Адская заря опалила жаром их лица, когда они обернулись, дабы убедиться, что происходящий кошмар – не сон. Владиславу стало тяжело, слезы застилали его глаза, все расплывалось словно в тумане. Горел их дом – их родной дом, где он провел детство и юность, где был счастлив. Давно ли он бежал вот по этой самой траве, по этой улице? Давно ли по вечерам смотрел из окна на звезды, мечтая о чем-то своем тайном? А как часто он ранним утром ступал босиком по влажной траве, покрытой росой, устремляя свой ход на холм, с которого любил созерцать долину, прорезанную тонкой линией реки? Ныне не осталось ничего из прошлой – такой счастливой, беззаботной жизни. Владу хотелось упасть на землю и так замереть, сжигая в душе невыплаканное горе. Но позади бушевало пламя, с ревом пожирало росшие вокруг дома деревья и он в отчаянии слышал их плач.

Шейбалы шли по улице, по черной точно уголь земле, а по обочинам обгорелые, полуразрушенные дома глядели на путников пустыми глазницами выбитых окон. Не было слышно ничего, кроме шагов и биения собственного сердца. Владислав шел за матерью, он так боялся потерять ее.

В его ушах до сих пор раздавался ее истошный крик, молящий о пощаде, и в тот миг сильно екнуло его сердце. Сейчас Владислав видел перед собой дорогу, и свет на нее не падал. Его глаза узрели нечто иное: они шли по углям, а вокруг разрывалось-колыхалось жаркое пламя. Это был ад.

Глава вторая

Шейбалы выбрались из-под пристальных взоров вооруженных немцев, когда с поднятыми руками, неся тяжелые котомки за спиной, перешли границу Украины и Польши. Владиславу все время хотелось обернуться, в последний раз взглянуть на оставленный-потерянный рай своего детства. Там, за спиной, осталась и Катаржина, а он из-за войны даже не смог попрощаться с ней, увидеть ее. Он не знал, где она и что с ней: может, ни девушки, ни ее родных и в живых уже нет? В этой буйной волне человеческая жизнь ничего не стоит: как трава, которую топчут ногами, как песчинка пыли, кою убирают одним взмахом руки.

Преодолев трудный путь, семья добралась до Варшавы – живы, и на том спасибо. Поселились они в квартире тети Софии – сестры Брониславы, в еврейском квартале. Евреи приняли их за своих, первое время помогли и с работой, и просто обосноваться на новом месте – теперь уже навсегда. Когда жизнь наладилась и пошла своим чередом, тут-то и произошло новое недопонимание между Станиславом и Владиславом. Отец желал направить стопы сына по собственному пути – стать архитектором либо художником; мать умоляла сына пойти учиться на врача, ибо тогда он везде найдет работу, всюду понадобится его помощь – особенно на пороге войны. Но Влад чувствовал, понимал, что не может так, нет

сил у него пойти против самого себя. С детства – еще тогда, когда он впервые сыграл роль гриба в школьном спектакле, в него вселилась уверенность, что он нашел свое призвание, что он выучится на артиста. Вечером за чашкой кофе молодой человек поделился планами с родными:

– Папа, мама, я благодарен вам за все, что вы сделали для меня, но ныне я решил поступать в театральный вуз, мне хочется стать артистом.

Бронислава перестала размешивать чай, искоса взглянула на мужа. Тот в гневе бросил ложку на стол, стукнул кулаком так, что чашки подпрыгнули, вперив злой колючий взгляд на сына, проговорил:

– Я не позволю тебе этого. Не бывать тебе актером, так не бывать! Ты, наверное, позабыл, из какой семьи и кто были твои предки; моя мать являлась урожденной дворянкой, отец мой занимал должность мэра, твой двоюродный дядя, коего ты так горячо любил, имел сан архиепископа. А ты, Влад, хочешь опозорить наш род?!

От гневного крика отца, от неимения поддержки в родной семье, молодой человек вспыхнул маковым цветом, все его тело колотила неистовая дрожь: он любил и почитал родителей, но и ломать себе жизнь в угоду их амбициям не желал. Как можно спокойнее молвил в ответ:

– Папа, я тебя очень сильно люблю и буду всегда тебя любить, но позволь мне – хотя бы единственный раз в жизни сделать то, что хочется именно мне. Ведь я тоже хочу быть

счастливым.

– Если я сказал нет, значит, нет. И больше не будем говорить об этом.

– Но, отец, позволь мне...

Станислав побагровел от злости, вскочил с места – стул с грохотом упал на пол. Вперив взгляд – пронзительный, жестокий, мужчина сказал:

– Пока ты живешь в моем доме и за мой счет, будешь делать то, что скажу я или мама.

– Ты даже не хочешь выслушать меня... – проговорил Владислав, от обиды едва сдерживая слезы.

– Пошел вон из-за стола и не показывайся мне на глаза!

Юноша встал, стараясь держаться спокойным, и молча ушел в свою комнату. В столовой повисла тяжелая, гнетущая тишина. Бронислава отодвинула чашку с чаем, опустила глаза. Сейчас она почти ненавидела мужа и очень жалела сына. От жалости к нему у женщины подступил комок рыданий, она хотела было ринуться вслед за Владом, но остановилась, не желая еще сильнее злить супруга. Казимеж впервые в жизни испытал жалость к брату, ему стало несказанно стыдно за произошедшее – ведь именно он когда-то подбил Владислава стать актером, а ныне по его вине произошла ссора между отцом и братом. Дабы хоть как-то очистить совесть, Казимеж сказал Станиславу:

– Отец, зачем ты так? Влад ничего плохого не сделал.

– А ты не лезь, Казимеж, не в свое дело, – парировал муж-

чина, озлобленный теперь и на своего любимца, однако первая волна ярости сменилась на обычное негодование.

– Пусть Владислав попробует поступить туда, куда желает, а если не получится, то сделает, как хочешь ты или мама.

Одной фразой Казимеж отвел беду и в семье вновь наступил мир. Станислав осознал теперь, что имел ввиду старший сын, и как раньше он не догадался сам? Ведь если у Влада ничего не получится с поступлением в театральный, то ему ничего не останется, как подчиниться воли родителей до конца; а если не дать сыну пойти по выбранной дороге, то он впоследствии станет врагом – а отец стареет.

Бронислава, заметив перемену в муже, положила свою ладонь на его руку, тихо проговорила:

– Станислав, иди к Владу. Ты был не прав.

Подчинившись на сей раз жене, мужчина отправился в спальню младшего сына. Тот сидел на краю кровати и грустным взглядом глядел в окно, рассматривая бессмысленно крыши варшавских домов с красными черепицами, над которыми кружились воробьи. При звуке шагов Владислав обернулся, отец с виноватой улыбкой сел подле него, обнял, прижал его к своей груди. Как бы то не было, но Станислав любил Влада и ничего не жалел для него, однако властному главе семьи было не понять, не принять строптивый характер третьего ребенка.

– Прости меня, сынок, – прошептал мужчина, приглаживая темные волосы юноши, – я был не прав, погорячился.

Поступай, куда хочешь, мы в любом случае примем твой выбор.

Владислав поднял полные слез глаза на отца, в них застыла боль.

– Спасибо, – ответил он и улыбнулся какой-то странной вымученной улыбкой.

Глава третья

Владислав шел по узким варшавским улицам домой. Он только что отсидел три лекции в подпольном театральном институте, куда поступил сам, правда, не с первого раза. Когда юноша пришел сдавать вступительный экзамен, он не справился, и профессор сказал, что экзамен провален. Боясь насмешек отца и помня и уговор – если в случае неудачи Влад потом будет во всем подчиняться родителям. Страх перед грозным отцом овладел всем им, едва сдерживая слезы, молодой человек просил комиссию дать ему еще один шанс – последний. Профессор с улыбкой поглядел на него из-под очков, поинтересовался о причине так фанатично настроенного на поступление юноши. Влад не стал скрывать ничего от него – доверие превыше всего, и выдал как на духу сделку с родителями и угрозы отца. Преподаватель, опытный в сим вопросе, ответил:

– Вы понимаете, молодой человек, что ваш папа оказался прав.

– Я... я осознаю это, но прошу вас, дайте мне еще шанс. Быть актером – мечта всей моей жизни. Я уверен, чувствую, что стане счастливым. Пожалуйста, прошу вас! – по его щекам текли слезы, в волнении и бессилии он сжимал, тербил в ладонях край своего пиджака.

– Ладно, юноша. Я пойду вам на уступку, но только

один раз.

– Спасибо. Большое человеческое спасибо! – Владислав хотел было упасть перед профессором на колени, но сдержался, пообещав как следует подготовиться.

О своем провале Влад сообщил только матери. Бронислава горячо поддержала сына, ничего не сказав Станиславу. На следующей недели состоялось повторное прослушивание, где Владислав показал себя с лучшей стороны, и комиссия единогласно поставила ему отлично, выдав документ студента вуза. Молодой человек гордился собой, был благодарен матери за поддержку: именно она – добрая, ласковая, нежная, была на его стороне, любя младшего сына больше всех на свете. Отец и брат немного растерялись, узнав об успехе Владислава, но потом Станислав признал строптивого сына победителем в споре и, наконец, предоставил ему свободу.

В один из сентябрьских дней Влад пришел домой с учебы. Бронислава готовила обед, Станислав сидел за столом, читал газету. Вдруг в дверь кто-то постучал. Влад пошел открывать незваному гостю. Он надеялся увидеть на пороге тетю Софию или ее подругу-еврейку Галину Дохоцкую, с которой семья Шейбалов состояли в дружеских отношениях, но, отворив входную дверь, юноша увидел зрителя их дома – невысокого тучного поляка с небритым лицом, лысеющего. Зритель водил красноватыми белками глаз, он был изрядно пьян. Ввалившись без приглашения в квартиру и да-

же не разувшись – как был в грязных сапогах, он протопал в столовую, с тяжким вздохом уселся на стул, заплетающим-ся языком проговорил:

– Ты, Станислав, делаешь ошибку, что позволяешь своей жене и ее сестре общаться с Дохоцкой – этой жидовкой. Скоро немцы будут газить всех евреев и пусть – земля чище станет.

Бронислава глянула из-за плеча на зрителя, затем на мужа. Тот оставил газету, строго ответил:

– Пан должен знать несколько вещей. Первое, – он загнул один палец, – больше не напиваться и не приходить в наш дом в таком виде. Второе, – он загнул еще палец, – не угрожать нашим друзьям или нам, так как вы понимаете, что это опасно для вас... если наша подпольная армия узнает о ваших словах.

Не успел зритель возразить, как Станислав вместе с Владом подхватили его с обеих сторон и, вытолкнув из квартиры, спустили по лестнице. Вдогонку ему молодой человек с задорным хохотом крикнул: «И больше не являйся к нам. Забудь сюда дорогу!» И дверь захлопнулась.

Через несколько дней после этого случая в квартиру Шейбалов заглянул брат Галины, Иосиф Дохоцкий. Он выразил благодарность за поддержку сестры и сообщил приглушенным голосом, что тот зритель найден на пустыре неподалеку мертвым, а на его теле был лист бумаги, на котором написано: так будет с каждым, кто осудит еврейский народ.

Когда Иосиф ушел, Бронислава посмотрела в лицо супруга, в ее взгляде читался упрек.

– Зачем ты сказал... сообщил армии о его словах? По твоей вине убит человек.

– А что мне оставалось делать? Никто здесь не знает, что мы армяне. Все думают, будто мы евреи. Если начнут убивать еврейский народ, нас в живых не оставят.

Ночью того же дня начался обстрел Варшавы. Немецкая артиллерия скидывала одни бомбы за другими. Со всех сторон раздавались рвущиеся шумы, похожие на мычание тысячи коров, потом следовали разрушения зданий. Улицы были завалены осколками стекол, кирпичей, досок. Утром на какое-то время бомбардировка прекратилась, стало тихо и страшно, будто весь мир исчез. Владислав вышел на балкон поглядеть, что происходит. Внизу, посреди улицы, его соседка именем Осчения – девушка из движения сопротивления, что-то кричала в сторону, указывая куда-то то вправо, то влево. Подняв голову, Осчения заметила Влада, сделала ему знак спуститься. Юноша направился к ней, спросил:

– Что происходит?

– Иди за мной, сам увидишь, – она уверенно схватила его за руку, потащила за собой.

Вместе они добрались через груды развалин в парк, где в мирное время любили отдыхать дети – там были карусели. Зато теперь немецкие солдаты с редкой жестокостью отнимали детей у матерей, под страхом смерти заставляя их ка-

таться на каруселях без перерыва, а в это время потехи ради включали детские песни на немецком языке. Отчаяние охватило женщин; они плакали, молили немцев прекратить издевательства, но те смеялись в лица несчастных матерей, обещали в случае непокорности открыть огонь по детям.

Владислав глядел из-за укрытия на эту ужасающую картину, словно уже разверзлись врата ада и поглотили землю. Сдерживая дрожь во всем теле, он тихо спросил:

– Что нам делать? Они же убьют детей.

– Нам следует объединиться, защищаться от врагов, – умозаключительно ответила Осчения.

– Но как? У нас недостаточно оружия, запасы еды кончатся. Нам не устоять.

– Если боишься, так и скажи.

– Я не боюсь.

– Тогда вперед.

Владислав вступил в отряд Сопротивления, следуя за остальными молодыми людьми. В течении 63 дней Варшава бомбилась немцами с воздуха. 63 дня непрерывных боев, отчаяния, смятения и страха: настоящий ад, устроенный людьми – обычными людьми из плоти и крови. Почти весь город лежал в руинах, дома были разрушены, сожжены. Горожане: поляки, евреи, армяне, татары – все держали баррикаду, отбивали наступления немцев, но не хватало оружия и свежих сил, а гестаповцы наступали и наступали – на танках, самолетах. Владислав взял с собой отца и мать,

тетю Софию и сестру Янку, приказал им немедленно следовать за ним, спрятаться от артиллерии в каналах и сточных ямах Варшавы – в этом длинном, сплетающемся лабиринте под землей. Замерзшие, по колена в воде, люди не сдавались, шли к своей цели – просто выжить.

Чутье и провидение вновь помогли Владиславу. Когда ему становилось особенно тяжело, когда непонятное томление комом сдавливало горло, он говорил родным уходить в другое место, ибо здесь оставаться опасно. И как только они оставляли свой спасительный закуток, через несколько минут туда падала бомба. Бронислава крестилась, обнимала сына, а Станислав клал ладонь ему на плечо, говорил: «Спасибо». В такие страшные моменты они верили ему.

Глава четвертая

Был сентябрь 1944 года. Полуразрушенная Варшава. Дни стояли теплые, погожие – само продолжение лета. Природа была все еще благосклонна к живущим, не придавала значения деянию человеческому.

Владислав пришел с занятий: трудно было учиться во время войны, на целые полгода закрывался вуз и не все вернулись на учебу. Молодой человек устало разулся, сел на стул в коридоре. В голове все звенело, кружилось, нестерпимо хотелось есть. Бронислава помогла сыну дойти до кухни, налила ему в тарелку то, что смогла приготовить: похлебку с овощами без мяса, иного не было. И в этом заключалась вся ее любовь, вся материнская забота, которую нельзя выразить словами. Утолив хоть на немного голод, Владислав спросил:

– Мама, как папа? Ему не стало лучше?

Бронислава пожалала плечами, глубоко вздохнула. Юноша понял все без слов. Выйдя из-за стола, он направился в спальню родителей, там под теплым одеялом лежал Станислав. Лицо мужчины совсем осунулось, побледнело, язык высунулся изо рта; он умирал – брюшной тиф не щадил никого. Владислав присел подле кровати, с сыновней заботой ласково коснулся иссохшей руки отца, промолвил:

– Папа, не умирай.

Станислав приоткрыл глаза, в полузабытье посмотрел

на сына. Он силился что-то сказать в ответ, но не мог. Вместо этого больной сжал горячие пальцы Влада – и это означало: «сынок, я люблю тебя». У обоих по щекам текли слезы, и Владислав осознал, как сильно отец любит его, как всю жизнь боялся за него, оберегал. Ныне пришла пора отдать сыновний долг. Укрыв Станислава пледом, молодой человек подошел к матери, проговорил:

– Я иду к доктору за лекарством для отца.

– погоди, сынок, – Бронислава схватила его за руку, стараясь удержать от рискованного шага, – не ходи, мой родной. На улице опасно, тебя могут схватить.

– Но отец умирает, а я не могу оставить его в таком состоянии. Я иду!

Женщина попросила его подождать. Она пошла в спальню и вскоре вернулась, держа в руках маленькую икону святого Антонио и несколько молитв из Святого Писания, написанные чистой рукой ее. Влад взял благословение матери, прижал их к сердцу, чувствуя, как невидимый теплый свет входит в его душу. Он обнял мать, прошептал на прощание:

– Я вернусь, вернусь. Обещаю.

Бронислава прижала сына к своей груди, поцеловала в щеку. Перед его уходом у дверей перекрестила, молвила:

– Пусть Господь тебя сохранит.

Владислав пошел по городу, заваленного руинами – все то, что осталось от домов. В кармане он сжимал образ святого Антонио, благословение материнское даже сейчас сохра-

няло тепло и умиротворение. Поднявшись на гору щебня, молодой человек наткнулся на что-то мягкое, присмотрелся – это был мертвец. Он перекрестился и собрался было идти дальше, но что-то остановило его. Он склонился над умершим и дрожь забила его тело: то был его лучший друг, еврей по имени Урик Зельфман, участвовавший в восстании. Глаза Урика были приоткрыты и в небо глядели они – остекленевшие, безжизненные. Влад закрыл его веки, по щекам текли слезы. Жаль было друга, себя, умирающего от брюшного тифа отца, мать, на которую свалились все заботы о семье.

Оставив друга, Владислав спустился в туннель, ныне ставший улицами, где там – под землей, жители установили указатели – как если бы то было на поверхности. Добравшись до дома, в котором жил доктор, Влад облегченно вздохнул: он возьмет лекарство, он сможет преодолеть путь назад и отец выздоровеет, мама не будет больше плакать. И только он впал в светлые грезы о будущем, как кто-то резко схватил его, дернул в сторону. Обернувшись, молодой человек увидел немца с нацеленным на него автоматом. Тот жестом указал куда-то вдаль и велел следовать за ним. Владу ничего не оставалось, как подчиниться. Разбились мечты о светлом будущем, остались родители и не известно, что станет с ним в скором времени. Вместе с ним шли и другие жители Варшавы – порядком двести человек. Немцы окриками, потрясая винтовками и пистолетами, гнали пленников точно скот на бойню. Людские реки стекались с разных сторон,

образовав море, а в небе ярко светило солнце.

Поляков привели на поле, к воротам большого студенческого дома, превратившегося в штаб-квартиру гестапо. Сотни людей расположились на еще зеленой траве, слышались стоны раненных и всхлипывания женщин. Вдруг резко все смолкло, будто разом исчез весь живой мир. Пленники повернулись и посмотрели на ворота, из которых с овчаркой на поводке вышел немец: высокий, плечистый, светловолосый. Взглядом, полным презрения, он окинул толпу, словно выскивая кого-то там одного. Пленникам объявили через громкоговоритель, чтобы те сидели смирно и не двигались, иначе будет открыт огонь. Поляки уселись, вперив взоры на землю. Воздух, трава, деревья – все пропиталось людским страхом.

Гестаповец с собакой стал обходить сидящих, подходил то к одному, то к другому, просил показать документы, после чего возвращал их. Шаги офицера все ближе и ближе к тому месту, где сидел Владислав – это маленькое пятнышко посреди людского моря. Молодой человек опустил глаза, стараясь не глядеть на немца, заставляя себя через силу воли не волноваться, не показывать страху. Но его тайный голос подсказывал, что офицер с собакой – есть та грань между прошлым и будущим, что изменит его жизнь навсегда.

Шаги приближались, и вот Влад заметил ноги, обутые в черные армейские сапоги и тяжелое дыхание овчарки. Офицер стоял рядом, требуя показать документы. Владисла-

ву показалось, что сердце его разорвалось и осколками упало под ноги немца, смешавшись с дорожной пылью под тяжестью сапог. Молодой человек лишь на миг – еще раз посмотрел на траву, в которой ползал какой-то жучок, и ему захотелось уменьшиться, раствориться в природе, превратиться в муравья, мошку, смешаться с землей, вобрав через самого себя все ее дыхание, всю свежесть ее. Но гестаповец настойчиво требовал паспорт и Владу ничего не оставалось, как подчиниться. Взглянув в его паспорт, офицер прищурился, спросил на ломанном польском:

– Юноша, извольте, но в ваших документах фото без очков.

Владислав поднял на него глаза, поправив очки, ответил:

– Мне врач недавно прописал их, так как я близорук.

– Вы точно поляк? – не унимался офицер, пристальнее всматриваясь в лицо Влада.

– Да, я поляк.

Немец усмехнулся, наклонившись к его уху, проговорил:

– Что же ты врешь, жидовская морда?! Думаешь, вас никто не отличит от европейцев? А теперь встань и иди к главным воротам, – он рукой указал на большой дом, ранивший в себе погибель.

От страха и волнения у Владислава скрутило живот, сердце замерло. Молча следуя за офицером, он направился к воротам, ступая через ряды пленников. Те глядели на него с жалостью и состраданием. Все ближе и ближе ворота

и тюрьма, все дальше и дальше отчий дом и бедная любимая мать.

Глава пятая

Владислав вошел за немцем во двор большого дома, посреди которого располагался сарай. У ступеней некогда студенческого дома офицер приказал остановиться и ждать его возвращения. Оставшись один, напротив высокой стены кирпичной кладки, за которой простиралось то широкое зеленое поле, Влад глубоко вздохнул. Он лишь раз взглянул на голубое небо, высоко на фоне голубого простора парила одинокая белая птица – свободная. Сердце его сжалось от боли и отчаяния, он ясно осознал, что этот день, возможно, станет его последним в жизни. И тогда душа его освободиться от земных оков и устремится ввысь – к свету. А, может статься, та белая птица – ангел, предвестник смерти?

Шаги, тяжелые, громкие, вновь раздались неподалеку. Владислав вздрогнул, он знал: это гестаповец. Офицер с собакой подошел к нему, приказал:

– Иди за мной.

И молодой человек снова подчинился, силы его постепенно оставляли. Они поднялись на второй этаж, вступили в темный длинный коридор. Офицер обмолвился парой слов с двумя охранниками, после чего привел пленника к четвертой двери. Отворив тяжелый замок старым ключом, он втолкнул Влада в камеру и с громким стуком закрыл за его спиной дверь. Ключ несколько раз повернулся. Стало тем-

но как ночью. Когда глаза немного привыкли к полумраку, Владислав разглядел еще двоих пленников: то были мужчины средних лет – поляк и югослав. Оба с недоверием и нескрываемой враждебностью смотрели на вновь прибывшего, но ничего не говорили.

Владислав осмотрелся. По бокам стояли две кровати без матрасов – лишь проволочная сетка, в дальнем углу ведро для справления нужд, из него исходил зловонный запах, а под самым потолком белело крошечное оконце, до которого так просто было не добраться. Молодой человек со вздохом опустился на пол и стал ждать – а чего, того сам не понимал.

Заключенный поляк вдруг согнулся вдвое, прижав руки к животу, и корчась от боли, пошел к ведру. Влад сглотнул слюну, к горлу подступила тошнота. Сейчас он готов был умереть, нежели терпеть невыносимый запах.

Югослав указал рукой на поляка, объяснил:

– У него брюшной тиф, оттого и недержание. Долго он не протянет как и все мы.

Владислав ничего не ответил. В его голове пронеслись другие мысли, а внутренний взор устремился за эту темную стену, за ворота, в родной дом, где лежал умирающий отец и также как этот заключенный страдал от брюшного тифа. Комок рыданий вновь подступил к горлу, глаза накрыла пелена слез. Дабы хоть как-то отвлечь себя от тяжкий дум, юноша принялся читать начертанные надписи на стене некогда

сидящих здесь пленников: «я умираю, передайте моей супруге Марии...», «мое имя Марек, меня завтра убьют...»

Югослав поглядел на Влада, спросил:

– Ты кто? Как тебя зовут?

– Я Владислав, армянин, – он не стал скрывать правды.

– Это уже не имеет значения, в этом месте все мы одинаковы – живые мертвецы.

– Они убьют нас? – с дрожью в голосе спросил Влад.

– Если пришла наша очередь. Они убивают ячейку за ячейкой, таковы правила. Если завтра утром нам принесут еду, то мы будем живы, а ежели нет, то... Немцы всегда расстреливают натошак.

– Сколько дней вы здесь находитесь?

– Три дня.

За стенкой постучали – то был условный знак, безмолвный разговор между заключенными. Югослав ответил стуком, а Владислав уселся на корточки в дальнем углу и, чтобы никто ничего не заподозрил, вытащил свои документы на разные имена и, надрывая по кусочкам, съел их. Так было лучше, так безопаснее. По крайней мере не будет лишних разговоров.

Ночью он не мог заснуть, оставаясь сидеть в углу. Оба его сокамерника храпели на старых кроватях, вонь из ведра становилась невыносимой: она проникала повсюду, острыми ножницами кромсала его сердце. От этой самой боли, от терзаний и отчаяния, наполнивших душу до краев, Владислав

заплакал, не думая больше ни о чем. Пленники пробудились от его всхлипываний, югослав погрозил ему кулаком, прошептал в злобе: «Заткнись и ложись спать». Владислав затих и так продолжал сидеть на холодном полу, поджав под себя ноги. Было нестерпимо холодно, в желудке пустота. Сил более не стало и он улегся под окном, свернувшись калачиком; сон разом окутал его своей пеленой.

Утром Владислав пробудился от страха и тревоги ночных кошмаров. Его сокамерники не спали, ждали завтрака. Ключ повернулся, в камеру вошли солдаты. Они принесли черный пустой кофе, маленький кусочек хлеба и кубик мармелада: им продлили жизнь еще на один день. Пленники ели в тишине. Они понимали, что завтра утром еды может уже не быть.

Откуда-то снизу, с улицы, донеслись голоса на немецком. Отложив в сторону чашку, Владислав встал на табурет и дотянулся до оконца. Сквозь ржавые решетки он видел двор, обнесенный высоким забором, несколько кустарников, возле которых столпились новые пленные. Чуть ближе, под самим окном, стояли четверо офицеров гестапо, один из них был генерал фон дем Бах, чьи фотографии, распечатанные на листовках, немцы раскидывали по всей Варшаве. Чувствуя, что весь горит от непонятной тревоги, Влад до боли стиснул прутья решетки, хриплым не своим голосом крикнул вниз по-немецки:

– Генерал, я здесь арестован. Освободите меня.

Немцы перестали беседовать и в недоумении поглядели

наверх – туда, где за решеткой находился человек, без акцента говоривший на немецком. Генерал фон дем Бах докурил сигарету, выкинул окурочок в сторону, поправив кепку, ответил:

– Жди, мы сейчас придем.

Молодой человек облегченно вздохнул, ясно осознавая, что это был еще один шанс – последний, дабы остаться в живых. В миг он заметил, как оба его сокамерника приблизились к нему, стащили с ящика и, повалив на пол, принялись бить ногами по животу, спине, ногам, они плевали в него, кричали бранные слова.

– Что ты творишь, глупый маленький ублюдок? Ты хочешь, чтобы нас убили?

Мужчины перестали его бить. Они опустились на кровати и молча наблюдали, как Владислав, корчась от боли, уселся на пол, поджав к себе колени.

– Что... что ты им сказал? – тихо спросил поляк.

– Я просил прийти сюда. У нас есть шанс выбраться живыми, – Влад изогнулся, закашлял кровью, немного полегчало.

Югослав подсел к нему, положил ладонь на его плечо:

– Прости нас, – молвил он, – мы не знали, что ты спас нас. Тысячи извинений.

Владислав посмотрел на него, слегка улыбнулся. Он не держал на них зла; они были люди, обычные несчастные люди.

Ключ в замке повернулся. Пленники встали в ожидании.

В камеру вошли несколько солдат из гестапо, в руках их не было хлеба. Один из них указал на Владислава, сказал:

– Ты пойдешь с нами.

Его ноги подкосились. Неужели так скоро? А он хотел жить – просто жить, и вот в один миг все перевернулось. С нескрываемым отчаянием на лице молодой человек повернулся к сокамерникам, прошептал:

– Храни вас Бог.

– Пусть Господь сохранит и тебя, – тихо молвил поляк и перекрестил его.

Немцы схватили Влада за локти и вновь повели по темному длинному коридору, теперь уже в обратный путь. Когда они вышли из здания, в его глаза ударил яркий дневной свет и Влад, запрокинув голову, прищурился в бликах, прошептал: «Солнце», а в небесной синеве, высоко над головой парила одинокая белая птица. То, подумалось ему, и есть предвестник смерти, ангел уже ждет его, чтобы забрать туда, откуда нет возврата. Скорее бы все разрешилось.

Его повели вдоль стены – той, что отделяла тюрьму и поле. По ту сторону доносились голоса людей, они все еще были свободны в надеждах своих, а он уже обречен. Гестаповцы привели Владислава к старому деревянному сараю, там их поджидали офицеры с винтовками. Один из них передал пленнику кусок черной ткани, с усмешкой проговорил: «Завяжи это на глаза и встань к стене».

Сердце Владислава замерло и к горлу подступил комок

рыданий – он понимал, что скоро умрет. И ему вдруг захотелось еще раз взглянуть на голубое небо, коснуться пальцами шелковой травы, увидеть отца и мать, обнять их, прижаться к материнскому сердцу. Невыплаканные слезы комом встали в груди, сдавили сердце ржавыми тисками. Он хотел попросить убить его сразу – без мучений и боли, ибо он всегда этого боялся, но вместо того Влад надвинул повязку на глаза – больше он ничего не видел, только слышал и подчинялся.

Офицер нацелил на него винтовку, проговорил:

– Готов?

– Да, – уже каким-то отдаленным, замогильным голосом промолвил юноша, похолодевший от ужаса.

Он ждал. Секунду длились словно вечность, все мысли его повернулись вспять перед отворившимся простором. Самое страшное в такие мгновения – вот это ожидание смерти: только бы быстрее, быстрее.

Гестаповец понимал чувства пленника, он наслаждался его страхом, его отчаянием. Приложив палец на курок, он начал отчет:

– Айн, цвайн, драйн, – и тут же громко рассмеялся.

Владислав опешил: ему подарили жизнь? Но маленькая надежда вновь улетучилась. Офицер прицелился, отсчитал:

– Один, два... три...

Опять смех, затем новый отчет: все повторялось несколько раз – издевательства ради. У Влада не осталось больше сил, его ноги подкашивались, отказывая нести бремя тела,

но страха почему-то не было. Немцы играли с ним в жестокую игру. Они смеялись над ним, над его бессилием, не чувствовали к пленнику ни капли жалости. Владислав более не мог стоять. В отчаянии он опустился на дощатый пол, запятнанный кровавыми казнями, и потерял сознание. Вспышка молнии вернула его к жизни. Он приоткрыл глаза, в слепящем свете увидел перед собой двоих офицеров, один держал флягу с водой.

– Парень слабоват, – прозвучал голос на немецком языке.

– Если бы сдох, было бы лучше, – парировал другой.

– Генерал приказал отнести этого жидка за ворота к толпе, только зачем, если его можно убить здесь?

– Ему все одно не жить. Не умер здесь, станет топкой для печи в крематории.

Офицеры рассмеялись. Они подняли Владислава и повели вдоль стены. Он шел среди них – маленький, молодой, на голову ниже остальных. Его довели до ворот и пустили в толпу варшавцев, в открытое поле. Влад вдохнул прохладный воздух сентябрьского утра, подставил пылающее от счастья лицо ветерку. Он жив! Он на свободе! Под ногами зеленая трава, мокрая от росы, над головой раскинулся лазурный небосвод, по которому плыли белые пушистые облака. Владислав чувствовал каждой клеточкой своего тела, как волна света проходит в него, как природа заполняет все его существо. Ему вдруг захотелось спрятаться ото всех, затеряться среди бескрайнего простора, превратиться во что-то

маленькое-маленькое, стать невидимым, просто жить.

Глава шестая

Но это был не конец, а лишь начало – начало долгого пути. Немцы вновь погнали прочь, в другой квартал Варшавы. То и дело слышались их гортанные окрики, смех и брань, немецкие овчарки скалились на пленников, в злобе рычали.

Владислав, будучи невысоким, попросту затерялся в толпе рослых, белокурых поляков-славян, исчез на время, превратился в маленькое пятнышко посреди волнующегося моря. Вдруг высоко в небе раздался журавлиный клич. Он поднял голову и увидел косяк белых птиц, летящих на юг, в теплые края. И птицы эти были свободные. Его душа готова была вырваться наружу, взвиться вверх и полететь вслед за журавлями – прочь от холодной бессмысленной войны. Но вместо этого он покорился судьбе, вместе с пленными следовал по пустующим улицам, по обочинам которых на путников глядели разбитые окна: черные, безжизненные, страшные.

Их привели к железнодорожному вокзалу. Там уже были готовы локомотивы, охраняемые вооруженными немцами. Поляков пригнали на платформу, стали по очереди распределять, отделяя мужчин от женщин, стариков от детей. Как сквозь сон Влад чувствовал толчки то сбоку, то сзади, слышал ото всюду безудержный женский плач, крики детей. Жен разлучали от мужей, детей от матерей. А он стоял один и не понимал, куда направят его самого. Вдруг сквозь гул

толпы знакомый голос позвал его по имени. Владиславу поначалу подумалось, что он ослышался, но голос вновь вторил его имя, и когда он обернулся, то увидел неподалеку Стаса Спозанского – хорошего знакомого их семьи, который брал уроки изобразительного искусства у Станислава. Стас быстро отвел Влада в сторону, проговорил:

– Ты здесь один?

– Да.

– А где твои родители, брат, сестра?

– Я не знаю. В последний раз мы попрощались в нашей квартире.

Стас хотел спросить еще что-то, но со всех сторон лезла, напирала толпа. Все толкались, спотыкались. Наклонившись к уху Владислава, он шепнул:

– Держись меня. Мы должны быть вместе.

К ним из толпы подошел юноша в штанах и куртке. Но то показалось на первый взгляд. Приглядевшись, Владислав понял, что то была переодетая в мужчину красавица-жена Стаса. Молодая женщина, маленькая, тонкая, большеглазая, бесстрашно глядела на происходящее, ее взгляд был тверд и уверен. Стас приманил жену, которая улыбнулась приветливо Владу, достал из кармана что-то маленькое с ладонь и тихо сказал:

– Смотрите, что я прихватил с собой. Это компас. Теперь мы будем знать, куда поедет поезд. В любом случае мы должны попытаться незаметно спрыгнуть с поезда и убежать.

Его жена обрадовалась решительности супруга, а Владислав более не верил в удачу. Мысль об Освенциме холодком закралась в душе.

К ним подошел немец, держа в руках винтовку. Он приказал им садиться в один из вагонов – грязный, предназначенный для перевозки угля.

– Быстро, живее. Поторапливайся, скотина! Залезай скорее, животное! – гестаповец втолкнул пленников в вагон, ругаясь и бранясь на немецком.

Супруга Стаса полезла по ступеням вслед за мужем, но немец схватил ее, потащил в сторону:

– Ты женщина, не мужчина.

– Стас! – кричала она. – Помоги!

Но он не мог ничего поделать. Немцы схватили ее и повели к другому поезду. Женщина лишь однажды обернулась, крикнула Стасу на прощание:

– Пусть Господь бережет тебя.

Он глянул ей вслед, глаза его застилала слезы. Сотворив крестное знамя, Стас в бессилии откинулся к стене вагона, говорить он более не мог. Владислав сел рядом, поджав под себя ноги, молвил:

– Ты еще увидишь ее. Она останется жива.

– Почему они забрали ее у меня? Зачем? – вторил Стас каким-то непонятным хриплым голосом.

– Это фашисты, у них нет сердца.

Мужчина поглядел на Влада, но ничего не ответил. Поезд

тронулся на запад и направлялся он в Германию.

Глава седьмая

Время остановилось. Ничего не происходило, лишь сменяющийся то и дело ландшафт свидетельствовал о том, что они куда-то едут. Компас Стаса все время указывал на северо-запад и то уже, что их везли не в Освенцим, а куда-то в иное место давало надежду на спасение – хоть маленькую, но надежду, что подчас звездочкой вспыхивала в сердце Владислава. Он оставался подле Стаса – всегда, одному, среди незнакомых агрессивных людей, находиться было опасно. Однажды, глядя на далекие, окрашенные позолотой в лучах холодного утреннего солнца горы, Влад проговорил:

– Меня всегда тянуло ввысь, на выступы скал, высокие холмы. Равнины, степи – все это чуждо моему сердцу, хоть я и вырос в западной Украине, чьи черные земли граничат с бескрайними степями. Возможно, то зов крови – моей крови.

– Почему?

– По национальности я не поляк, а армянин, хоть отец старался всегда скрыть это от других, ибо боялся быть не таким как все, а я люблю оставаться иным, быть за пределами всего общества. Мой великий, ныне почивший дядя архиепископ Теодорович учил меня не бояться правды и смотреть страху в глаза. И я знал, чувствовал где-то здесь, – он указал на грудную клетку, – что мне предстоит путешествие – дол-

гое и трудное, еще до того, как нас привели на вокзал.

– Как тебе это стало известно?

– В тот момент, когда я брел в толпе по разрушенным улицам Варшавы, я поднял голову и узрел стаю перелетных птиц – больших и белоснежных. У нас есть примета, что это к дальней дороге. Как видишь, мое сердце оказалось право.

Оба глядели вдаль, любуясь начинающим утром. Было холодно, нестерпимо хотелось есть. Кто-то сильно кашлял, кто-то завозился, просыпаясь, но все чего-то ждали.

Поезд свернул направо и двинулся вдоль широких полей, на которых работали крестьянки, собирая в корзины урожай. Когда вагоны проносились мимо, женщины выпрямлялись, кидали в поезд комья земли, неистово бранились по-немецки:

– Будьте вы прокляты, польские бандиты! Хотя бы вас всех сожгли заживо!

Стас внимательно поглядел на Владислава, спросил:

– Что кричат эти женщины?

– Они проклинаят нас, называя польскими бандитами.

– Но почему? Что мы им сделали?

На это Влад и сам не мог найти ответ. Он понимал ненависть полоненных народов к немцам, но не мог осознать, за что немцы так ненавидят остальных, за что? За цвет кожи, за иную кровь? Но кровь и сердце у всех народов одинаковые. За иной язык? Иную культуру? Владислав прикрыл глаза и погрузился в состояние, близкое к трансу – нечто сред-

нее между сном и явью. Он просто желал хотя бы на миг позабыть что происходит, улететь далеко-далеко за пределы существующего мира, где нет ничего плохого, тяжкого, страшного.

Вечером поезд остановился. Немцы приказали всем выйти и разместиться на ночлег в открытом поле. Люди улеглись прямо в высокую траву. Они несказанно обрадовались такой маленькой свободе – под открытым небом, усыпанным мириадами звезд, вдыхая горьковатый запах зеленой земли Поморья.

Владислав спал урывками, то и дело просыпаясь в холодной ночи. Он окидывал взором дальний небосклон над головой, дыханием согревал озябшие руки. Ночь была черна и такими же черными безликими были и его сны.

Рано утром немцы подняли пленников, поставили всех в ряд. По громкоговорителю на польском объявили, чтобы все мастера ручного труда: плотники, маляры, слесари, каменщики, резчики и другие сделали шаг вперед. Владислав наклонился к уху Стаса, спросил:

– А если я скажу, что являюсь фотографом...

Но тот резко перебил:

– Не смей никому проговориться, что ты художник или фотограф. Таких немцы убивают первыми. Им нужны чернорабочие, а не такие как мы.

Из толпы вышло около ста человек. Немцы распределили их по грузовикам, направив на заводы и фабрики, осталь-

ных же усадили в кузова грязных тяжелых машин – так возят дрова или навоз, и повезли дальше на север, преодолев мост, а потом по узкой дороге в сосновый лес, росший за дюнами неподалеку от побережья. Осенний ветер приносил запах моря – солоноватый и необычайно приятный.

Глава восьмая

Это был знаменитый Альтварп. Офицеры гестапо окриком заставили пленников вылезать из грузовиков и следовать по направлению густого леса, окруженного длинным высоким забором с колючей проволокой. Озябшие, голодные, с затекшими от долгого сиденья ногами, поляки по очереди подходили к охранникам, которые выдавали им потрепанную серую одежду и порядковый номер. Когда очередь дошла до Владислава, немец, что раздавал номера, поинтересовался:

– Как твое имя?

– Владислав Шейбал.

– Еврей?

– Я родился и вырос в Польше, – ушел он от прямого ответа.

Офицер усмехнулся, проговорил:

– Хороший ответ, но здесь уже не имеет значения, кто ты и откуда. В этом месте ты не человек, у тебя больше нет имени. Здесь ты ОНО и твое имя 441. А ну повтори, собака, как тебя теперь зовут?

– 441 номер, – Владу стоило большой выдержки отвечать спокойно.

– Знай: если ты сдохнешь, тебя закопают под номером 441. Запомни это навсегда. А теперь бери вещи и иди на свое

место, животное.

Хотя офицер оскорблял, унижал, но юноша оставался спокойным, ни угрозы, ни то, что его лишили имени более не беспокоило его. Он шел вслед за остальными пленными, оглядываясь по сторонам, запрокидывал голову к небу. Он наслаждался сосновым лесом, шуму прибоя вдалеке и ему хотелось одного: убежать, стать вновь свободным как птица, идти куда хочешь, делать что желаешь. Но отныне нельзя, ему ничего нельзя. У него нет имени, нет фамилии, но есть номер 441 и тяжелая грязная одежда в руках.

Поляков привели в старые покосившиеся бараки, каждому распределили место на койке. Владислав и Стас оказались рядом и то уже, что друг был с ним, давало хоть какое-то успокоение. Воздух в бараке был затхлым, нестерпимо воняло от уборной, невымытых тел и тяжелобольных. Владислав сел на койку, переоделся. Руки его тряслись от голода, голова болела. Он взглянул на Стаса, тихо спросил:

– Что с нами будет?

– Скорее всего нас продержат для каких-нибудь работ, а когда все будет исполнено, нас ликвидируют.

– Что?

– Убьют, я так понимаю, – он осмотрелся по сторонам, прошептал, – пока что ни о чем не спрашивай – ни меня, ни остальных, это гиблое место, лагерь уничтожения. Мы все давно обречены, давно.

Вдруг послышались голоса на немецком. Пленники вско-

чили на ноги, построились в ряд. Гестаповцы принесли им завтрак: чай без сахара, кусочек хлеба с маргарином и маленький кубик мармелада – на весь день. Голодные, уставшие в дальней поездке, поляки накинулись на еду, в один миг все съели. Немцы после завтрака распределили каждого по рабочим местам; приблизившись к Владу, гестаповец приказал: «А ты, парень, следуй за мной». Его сердце ёкнуло, он приготовился к самому худшему, но покорился, безропотно последовал за офицером. Тот привел его в уборную для пленников. Вся комната с дырками в полу была залита, обмазана испражнениями до самих краев, стекавших по полу. Владислав оторопел и отступил назад. Он был готов ко всему: носить кирпичи, рубить деревья, месить цемент, но только не убирать испражнения. Вся его творческая натура взбунтовалась, кровь благородных предков забилась в его жилах. Нет, уж лучше смерть. Он поглядел на немца, в глазах его сквозило не то ли презрение, не то недоумение. Офицер гестапо направил на него дуло пистолета, проговорил:

– Убирай дерьмо, щенок, а не то пристрелю и скормлю овчаркам.

Владислав похолодел от ужаса, от самого вида оружия. Пару секунд назад он готов был бить себя кулаком в грудь, призывая в самом себе дворянские гены бабушек, но ныне, когда дуло оказалось совсем близко, он осознал разницу между жизнью и смертью, и гордость уступила место самосохранению. Взяв большое ведро, Влад принялся чистить

уборную. Не имея под рукой лопаты, ему пришлось брать испражнения голыми ладонями и сразу его вырвало, тошнота не проходила до тех пор, покуда желудок совсем не опустел. Наблюдавший за ним немец громко рассмеялся, сказал:

– Теперь ты уберешь не только фекалии, но и содержимое желудка.

Владислав ничего не ответил. Он боялся и ненавидел всех гестаповцев одновременно. Презируя самого себя, он принялся чистить уборную голыми руками, не обращая внимания ни на зловонный запах, ни на усталость. Вечером молодой человек долго тер себя тканью, служившей мочалкой, в ледяной воде. Руки уже онемели, но он продолжал и продолжал тереть их, дабы освободиться от грязи – в душе.

Следующим днем и всю оставшуюся неделю ему приходилось чистить уборные, разгребая заполнившиеся там ямы, а потом таскать ведра с испражнениями к контейнерам для хранения навоза. Как он понял из обрывков разговора немцев: все эти испражнения позже выльют на поля, чтобы весной земля дала обильный урожай. Влад убил в себе презрение к нечистотам и более не ощущал того ужасного-пугающего запаха, но вечером перед сном он все также тер до покраснения тело в холодной воде, остро ощущая, как вся грязь уходит с потоками глубоко в землю.

Глава девятая

Вечерами – долгими, холодными от сырости и ветров, расположившись на соломенных койках, пленные поляки слушали чтение одного из них, кто хитростью смог спрятать-припрятать маленькую книжицу с поэзией, и именно то – далекое-прекрасное, не поддающееся описанию чувство теплило надежды в них и поддерживало жизнь в их телах. Уставшие, голодные, в грязных изорванных одеждах, жались пленники друг к другу, поддерживали-подбадривали остальных разговорами. По очереди передавались рассказы о своей прошлой – до войны жизни, предания о родных и близких, таких духовно любимых, судьба с которыми разлучила их. Стас и Владислав немало говорили об искусстве и литературе, а когда Влад поведал, что родился и вырос в богатой богемной среде (о своем армянском происхождении он умолчал), остальные поляки принялись умолять его быть их переводчиком и тайно доносить то, что говорят немцы. Но были и те – в основном среди бедных людей из пригородов и деревень, кто втайне завидовал его молодости, его образованности. Эти люди ненавидели Владислава за его явное превосходство, за его благородные манеры даже здесь, в грязи и холоде. И однажды за поздним ужином, состоявшем из кусочка хлеба и простой воды из-под крана, один поляк вскочил с места, окинул всех покрасневшими от злобы глазами, вос-

кликнул:

– Я не стану есть за одним столом с евреем!

Остальные оставили нехитрую трапезу, в недоумении поглядели на него. Один из них, Ёжи Зайновский, седовласый, с большим шрамом на лице, спросил:

– О чем ты? О ком ты говоришь?

– Я точно знаю и вы должны знать, что среди нас один не поляк, – он указал пальцем на Владислава, тот так весь и съежился, боясь предательского удара, – вот этот человек! Погляди, всмотрись в его лицо – он не славянин! Нам необходимо как можно скорее избавиться от него. Бейте жида!

Он собрался было нанести удар своим большим кулаком, но рука Стаса перехватила его, повернув в сторону:

– Успокойся и сядь на место, Ян, – ответил тот, будучи меньше и тоньше противника.

– Тебе-то нет разницы, с кем водить дружбу, не так ли, Стас? – с ухмылкой молвил Ян, усевшись на свою койку под пристальным-грозным взглядом остальных. – Дружи и дальше с евреем, коль родные поляки тебе не милы. Как Иуда за тридцать серебрянников предался.

– Я желаю, чтобы ты просто закрыл рот. А Влад не еврей, ежели тебе так интересно его происхождение. Он родился и вырос в Польше, и навсегда останется верен ей.

– Как же, – Ян не мог успокоиться, явно уверенный в своей правоте, – в России и татары живут, однако они не являются русскими.

– Влад и не татарин, а Россия, ныне объединенная с другими землями, носить название Советский Союз.

– Думаешь, никто кроме тебя того не знает? Смотрите у меня.

Владислав был благодарен остальным за поддержку, но оставаться в комнате с теми, кто ненавидит его, не мог. Один лишь Ян высказал вслух свое негодование, а сколько тайных недругов сидят в затишье, может быть, готовя какой план? Оставив хлеб на столе, молодой человек вышел на улицу, уселся на дрова. Холодный осенний ветер качал кроны сосен, далеко – в небе ярко блестела луна серебристым сиянием. С ветки сорвался сыч и, взмахнув крыльями, улетел прочь. А так стояла полная тишина. До ушей долетал лишь далекий шум прибоя. Безмолвие ночи умиротворяло, на время успокаивало душу, притупляя нестерпимый голод. Мысли Владислава устремились на восток, в отчий дом. Что случилось с отцом, матерью, Янкой? Жив ли Казимеж? И если они в безопасности, то чувствуют ли, каково ему сейчас? Плачет ли матушка у окна, молится ли за него? Ныне, когда они так нужны, они далеко – по злему року, чужой войне. Сладостная волна грусти и тоски наполнило его душу и рука сама нащупала в кармане написанные матерью молитвы, благословение ее до сих пор сохраняло тепло – тот невидимый ясный свет ее заботливого доброго сердца. В памяти всплыл ее любимый образ, а затем вспомнились обидные слова Яна; и все то перемешалось-скрутилось воедино: плен, немцы,

Варшава, родители, каторга, что он более не мог сдерживать слез. В бессилии Влад заплакал, спокойный потому что никто не видит его слабости.

Тихо подошел к нему Стас, уселся подле него, положив свою ладонь на его плечо, силился что-то сказать, но Владислав опередил его:

– Почему... почему меня все так ненавидят? За что? Лишь за мою непохожесть? Это так несправедливо. Мне обидно, больно. В школе смеялись над моей фамилией, дома в семье за то, что я чувствую и вижу невидимое и неслышимое. Отец с детства называл меня шуткой, остальные смеялись над этим кроме меня, я уходил, залезал в самый дальний темный угол, прятался в свой незримый колпак, где чувствовал себя в безопасности, и плакал. Хотя я ни словом, ни делом никогда никого не обижал. Всегда жил с верой и надеждой на Бога, и молитвы мои были спасением.

Стас слушал его, вникал в каждое слово и вдруг заметил, как тугой комок жалости подступил к горлу. Скрывая охватившее его волнение, мужчина сорвал сухую травинку, зажал между зубами. Дабы хоть как-то приободрить друга, он проговорил:

– Я знал твоего отца как прекрасного преподавателя и талантливого художника. Мне он рассказывал столько многое о своей семье, и о тебе тоже.

Влад повернулся к нему лицом, весь напрягся. В его широко раскрытых глазах мерцали слабые отблески ночных фо-

нарей.

– И отец... отец упоминал меня? Меня?!

– Да, Влад, твой отец говорил о том, какой талантливый и неординарный его младший сын и гордость всей семьи. Вот видишь, как сильно тебя любили.

Стас не врал. А молодой человек, потрясенный до глубины души, весь затрясся в рыданиях. В его душе смешались чувства: тоска по родным, благодарность к Стасу, страх за свою жизнь, неопределенность будущего. Теперь, когда он узнал, как отец гордился им, ему стало легче перенести все трудности каторжного плена. Его тоже любят!

Ночью Влад спал плохо. Мучаясь от холода, пустого желудка, жесткой соломы вместо перин, зловоний и запаха невымытых тел, юноша то и дело просыпался, глядел в потолок, собираясь с мыслями. Под утро ему удалось уснуть, и во сне привиделась Катаржина – такая, какую он помнил в последний день их встречи. Молодые люди тянулись друг к другу, их пальцы уже было касались, то вдруг навалились немцы – их было не меньше сотни, стали отталкивать его возлюбленную. В неистовой злобе Влад кричал, отталкивал врагов, но их становилось все больше и больше.

– Катаржина! Нет, пустите меня к ней! – он закричал, чувствуя, что задыхается о слез.

Кто-то начал трясти его и Владислав резко открыл глаза. Над ним стоял бледный Стас, старающийся разбудить друга от кошмаров. Юноша сел, ощущая, как щеки пылают от слез.

Оказалось, не во сне, а наяву плакал он.

– Вот и славно, ты нас так всех напугал своими криками, – Стас сел рядом, подал ему стакан воды.

Влад пил долго, наконец, осознав жажду. Он огляделся: остальные пленники внимательно глядели на него – кто с интересом, кто с усмешкой, кто с негодованием. Он хотел о чем-то спросить Стаса, но в комнату вошли два гестаповца, приказали собираться на работы. Перед выходом к Владиславу подошел Ян. Пользуясь отсутствием Стаса, мужчина приблизил свое злое лицо к юноше, сказал:

– А, у нас здесь любовные делишки?! Катаржина, значит? – и, понизив голос, добавил. – Ты, жидок, не лезь к нашим девушкам, не порть нашу славянскую кровь.

Влад промолчал на эти обвинения. Он теперь знал, что тайна сердца его раскрыта перед другими, а сам он стал насмешкой в глазах поляков. Ну что же, и это испытание он выдержит, вынесет то, что предназначено судьбой.

Поляков привели в лес, в самую чащу. Ветви елок больно кололи лицо и тело, и даже утром здесь царил темнота – как в детских сказках. Немцы велели пленникам срезать деревья, расчищать поляну для дальнейшей постройки. Те, кто покрепче да сильнее, взялись за топоры, остальные относили срубленные ветки и стволы в другое место. Владиславу понравилось здесь – в лесу, среди деревьев, вдыхая горьковатый приятный запах хвои. Иной раз останавливаясь, он запрокидывал голову, глядел на голубое небо, ладонью ловил

косые лучи солнца, проглядывающие сквозь деревья. В такие моменты ему становилось и радостно и грустно одновременно. Он был счастлив бродить среди сосен, слышать чирикающие уже редких птиц, собирать грибы, пряча их в карманы куртки, и в то же время он осознавал, что несвободен, что находится за колючей проволокой, а там – далеко, живут его родные, горячо любимые люди. Однажды, оставив со Стасом рабочую поляну, Владислав поднял голову и увидел стаю белых чаек, с пронзительными криками летящих за дюны – там, где плескалось море. Раскинув руки в стороны, юноша ринулся по лесу, воскликнув то ли в отчаянии, то ли с мольбой:

– Птицы, и меня, и меня тоже возьмите с собой, я хочу улететь вместе с вами. Я тоже хочу быть свободным!

Стас наблюдал за ним. Тугой комок рыданий сдавил его горло, жалость к человеку и другу наполнило его сердце непонятной тоской. Подождав немного, мужчина взял себя в руки и проговорил:

– Влад, подойти сюда.

Тот покорно сел с ним рядом, его большие, необычайной красоты глаза наполнились слезами. Стас сказал:

– Покуда отца твоего нет рядом, я стану вместо него. Сделаю все возможное, дабы ты остался в живых и смог вернуться домой. У меня много практик выживания, я поделюсь с тобой ими, только слушайся меня во всем и держись всегда рядом.

– Я постараюсь.

– Нет, не старайся, а делай то, что буду говорить, иначе живой ты отсюда не выйдешь. И еще... Не нравится мне Ян, будь осторожен. Наверняка он захочет навредить тебе, не днем, а ночью, когда все будут спать. Советую тебе вечером, после окончания работ, взять с собой палку или дубинку и оставить ее при себе на случай, если Ян нападет на тебя.

Владислав внимательно слушал, а в голове вертелись различные мысли: за что его ненавидят, почему Ян ополчился на него, что делать, как защитить себя? Наступила тишина. Высоко над головой качались кроны деревьев, птицы с чирканьем перелетали с ветки на ветку, свежий морской ветерок ласкал лицо. Все было тихо, мирно. Взяв в руки камешек, Влад повертел его в руках, проговорил:

– Когда я был маленький, моя тетя Ванда – старшая сестра отца, много рассказывала о традициях, культуре нашего народа. Она учила меня читать и писать по-армянски – это было так сложно. А еще тятя поведала о судьбе нашей. Мы, армяне, из века в век терпели притязания других народов на наши земли; нас ненавидят соседи за то только, что мы верим в Иисуса Христа, за то, что мы христиане. Турки-османы вырезали нас, отняли наши исконные земли и даже священную гору Арарат, где по приданию сохранились останки Ноева ковчега. Они убивали армян, искренне веря в справедливость деяний своих перед Аллахом. Тогда, будучи ребенком, я ответил, что когда вырасту, убью всех мусульман, а их

Бог-Аллах умрет сам, потому что некому станет Ему поклоняться. А ныне, здесь в Германии и в родной Польше я увидел, что христиане больше других враги своим же. Сколько нас здесь? Я видел французов, видел русских за другим забором. Господи, как мне стало их жаль! Немцы не дают русским даже хлеба и те вынуждены есть траву, землю, а позже умирать в муках, чувствуя, как земля в их кишках превращается в глину.

– Великие злодеяния всегда творились с именем Бог на устах, и не религия тому виной, – ответил Стас, уставший, измученный.

Глава десятая

Шел с утра осенний дождь. Крупные капли попадали в ветхую крышу барака, в дыры, из-за чего в комнатах стало сыро. Пленники не работали, а немцы не приходили и даже не принесли никакой еды. Некоторые, усевшись в круг, играли сделанными из газетной бумаги карты, кто-то спал, были и те, что сидели полукругом и вели беседы. Так прошел день. Наступил холодный ветреный вечер.

Мучаясь от сырости, жесткой соломы и голода, Владислав не мог уснуть, но и общаться с кем-либо не было сил. Когда большинство улеглись спать и в комнате раздался храп, юноша, спотыкаясь, побрел к выходу. Он ясно понимал, что его могли застрелить охранники или же забить свои, но невероятное, какое-то животное чувство голода притупило страх перед опасностью. Влад вышел на улицу и направился туда, где немцы выкидывали мусор. В темноте, под дождем, весь мокрый и продрогший, Владислав рылся в мусорном баке, не чувствуя ни отвращения, ни презрения к самому себе. Лишь голод и пустой желудок контролировали его действия. Отыскав в куче отходов рыбные кишки и картофельную кожуру, он быстро спрятал их в карманы и радостный, позабыв об усталости, вернулся в барак. Молодой человек в тишине разбудил Стаса и их нового друга Фрадека. Втроем они сварили нехитрый ужин – что-то отдаленно напоминающий суп.

Ели молча, наслаждаясь рыбным вкусом, будто сидели за королевским столом. Ночью Владислав не мог уснуть. Горел желудок, крутило в кишках, во рту чувствовался горьковатый привкус рыбных потрохов. Тошнота скопилась в желудке и поднялась к горлу. Ловя ртом воздух, опираясь на стены, юноша кое-как добрался до уборной, его долго рвало. Очистив желудок, он избавился от боли, но недомогание все еще ощущалось в животе.

Утром Владислав пробудился от гортанного окрика немца. Бледный, невыспавшийся, с покрасневшими белками глаз, он не взял завтрака, от одного вида еды его выворачивало наизнанку. Но на работу он пошел, ибо гестаповцем было все равно на его недомогание. Полякам дали задание – таскать по пять кирпичей к тому месту, где строились казармы для хранения ракет V1. Пока одни таскали тяжести, другие месили цемент и возводили стены. Это была борьба на выживание: все те, кто не справлялся и падал, немцы отводили в сторону и расстреливали – в назидание остальным.

Владиславу было приказано таскать в деревянной корзине на спине по пять или шесть кирпичей. Сначала нужно было погрузить все на дно, потом взвалить на себя и идти к стройке, сгибаясь под тяжелой ношей. Спина и плечи ныли, ноги подкашивались, перед глазами в свете то и дело кружились мошки – от голода и бессилии. Работать стало невыносимо, хотелось одного – упасть, уткнуться лицом в землю и плакать. Но он знал, что и это ему не позволено.

К обеду вновь к горлу подступила тошнота. Таскать кирпичи стало невыносимо, а Стас и Фрадек находились далеко – на стройке. Машинально сложив кирпичей меньше положенного, надеясь, что никто того не заметит, Влад взвалил на спину корзину и тут позади раздался голос Яна, обращенного не к нему:

– Офицер, этот мальчишка взял только три кирпича.

Остальные поляки поглядели на гестаповцев, перевели взгляд на Яна – немного задержались на нем, а затем обратили взоры на Владислава. Немец приблизился к юноше, посчитал кирпичи в его корзине и приказал:

– Снимай обувь и ложись на землю, щенок.

Он призвал еще одного охранника и вместе они навалились на испуганного пленника, принялись что есть мочи бить его по пяткам деревянной дубинкой. Владислав, дабы не закричать, кусал пальцы и землю, из глаз текли слезы. Страх не было, оставалось лишь одно желание – убежать, спрятаться ото всех, прижаться к матери, выплакаться в ее теплые колени. Удары следовали один за другим, боли почти не было. Все слилось воедино. В глаза ударила яркая вспышка света и все погрузилось во тьму.

Он осмотрелся по сторонам, сидя на голой каменистой земле. Вокруг словно волны поднимались горные вершины, высоко в небе – голубом, ярком, парил одинокий орел. Владислав силился подняться, но не мог: какая-то невидимая сила сковала его ноги, прижала к земле. И сразу в свете дня,

на фоне скал, возник далекий, но до боли родной и знакомый образ дяди Теодоровича. Архиепископ: высокий, гордый, в черной сутане, ниспадающей складками по широким плечам, посматривал сверху вниз на племянника и лицо его отражалось в лучах тенью.

– Дядя, дядюшка, забери меня к себе, – молвил Влад и крупные капли слез стекли по его щекам.

Жозеф продолжал стоять каменным изваянием, ни один мускул не дрогнул на его лице, он молчал. Юноша вновь взмолился, и тогда архиепископ проговорил словно сквозь туман:

– Вставай и иди к своим. Вставай, вставай, – и медленно стал удаляться в другую сторону, растворяясь в свете.

Видение прошло. Влад медленно приоткрыл глаза. Он лежал на земле, вокруг было темно. Подле него на корточках сидел Стас, который и старался привести друга в чувства.

– Слава Богу, ты жив, – прошептал мужчина и голос его потонул в туманной дымке, – вставай, нам нужно уходить, иначе ты замерзнешь.

С его помощью Владислав кое-как поднялся, волна боли окатила все его тело. Опираясь на плечо Стаса, он добрался до барака, и когда шел по узкому коридору, то за ним тянулся кровавый след, оставленный стопами. Он спал без сна, даже солома не казалась ему такой жесткой. Наутро Стас приблизился к нему, приложил ладонь на его лоб – он весь горел. Нет, нельзя было Владиславу с высокой температурой

идти работать. Когда пришли офицеры выгонять пленников на стройку, юноша не смог даже открыть глаза. Немец удивился, но приказал, обращаясь к Стасу:

– Поднимай твоего дружка и идите работать, иначе он сдохнет сегодня же.

– Посмотрите, этот человек болен. Сжальтесь, прошу вас. Я готов выполнить работу за него.

Немного подумав, гестаповец махнул рукой и ответил:

– Ладно, но только сегодня. Если и завтра он не встанет, то его отдадут на съедение собакам, а тебя изобьют. Так и знай.

Поздно вечером пленники вернулись с работ. Стас сел на свою постель: уставший, голодный, изможденный, он полежал какое-то время с закрытыми глазами, когда усталость спала с тела, он вышел и через несколько минут вернулся с кружкой чая и кусочком хлеба. Подойдя к Владиславу, мужчина разбудил его и велел хоть немного поесть. Три дня юноша не ел и потому быстро съел все то, что принес друг. Тепло чая медленно обволокло желудок, наслаждаясь этим теплом, он почувствовал себя заметно лучше. Сил как будто прибавилось и Влад улыбнулся. Стас наклонился к его уху, тихо сказал:

– Фрадек рассказал, что сегодня Яна избили в лесу – наши, поляки. Такова цена за предательство.

Владислав кусал хлеб, запивал чаем. Мир вокруг становился лучше и в душе его затлел огонек надежды на спасение; пряча эмоции, он хотел лишь одного: убежать отсюда,

вырваться на свободу, а там пусть что будет, даже если немцы начнут стрелять в спину. Лучше уж погибнуть на воле, нежели гнить долгие месяцы в заточении.

Глава одиннадцатая

Строительство казарм продолжалось – однотонная тяжелая работа. По вечерам Владислав, Стас и Фрадек уходили в лес, выжидали. Стас поведал, что в темное время кролики выходят на охоту и их легко поймать. Перед сном охотники наслаждались кроличьим нежным мясом, а шкуры с мягким мехом оставляли сушиться. Стас говорил, что с наступлением холодов их них они сошьют теплые варежки. Голова от голода более не кружилась, хотя слабость во всем теле постоянно присутствовала. У Влада болели ступни, но он терпел, сдерживал себя, боясь получить пулю в лоб.

Одним солнечным утром офицер подозвал Владислава, сказал:

– Ты какой-то маленький и слабый, от тебя мало толку. Но ничего, и для тебя есть работа. Отправляйся на кухню, где работают женщины. Они скажут, что ты будешь выполнять.

Юноша обрадовался. Он хотел было поблагодарить, сказать спасибо, но вместо этого только кивнул в ответ. Кашеварня располагалась за казармами, за штаб-квартирой, в самом дальнем месте – напротив общежития офицеров, охранников и солдат. Из кухни доносился звон посуды и приятный запах еды – там готовили лишь для немцев. Владислав робко вошел на кухню, от запаха каши во рту скопилась слюна

и он понял, как сильно был голоден. Три кухарки – большие, полные немки злобно взглянули на пленника, пальцем указали на корыто с горячей мыльной водой. Влад все понял. Засучив по локоть рукава, он запустил руки в горячую воду, блаженно улыбнулся. Наконец-то чисто, тепло. Он был готов вечность мыть посуду, лишь бы не возвращаться в грязный барак с ледяной водой. Пока юноша мыл тарелки, ложки и кастрюли, солнце заглянуло на кухню, заиграв радужными бликами в пене. У Владислава в памяти всплыло детство – светлое, беззаботное, когда мама купала его в ванне, бросив кусочек душистого мыла в воду, и пена со сладостным ароматом также играла бликами при свете свечи, он играл с пузырями, а Бронислава тем временем мылила его волосы шампунем. Как он был счастлив тогда!

Когда Влад выполнил первую работу, одна из женщин заставила его чистить картошку. Юноша ни разу в жизни не чистил овощи, но сейчас он старался как можно лучше справиться с заданием. Осмотревшись по сторонам, Владислав уличил момент, когда никто его не видит, и украдкой начал прятать картофельную кожуру себе в карманы. Он чистил и прятал, чистил и прятал, пока не узрел на столе кусок свинины. Мясо лежало на краю отдельно от остальных продуктов. Не долго думая, молодой человек подкрался к столу и только хотел было схватить мясо, как его руку перехватила сильная ладонь кухарки. Большая, грузная женщина возвышалась горой над исхудалым невысоким юношей, который

со страхом глядел на нее большими голубыми глазами. Кухарка наступила всем своим мощным телом, кулаками била Владислава, хватала из его карманов картофельные очистки, кусок свинины. Он закрывался от ударов, плакал от обиды и отчаяния – из-за того, что так позорно был пойман на воровстве.

– Ах, ты, проклятый польский выродок! Ты варшавский бандит, такой же подлый, как и все ваше племя.

Кухарка продолжала наносить удары мощным кулаком, плевалась в лицо юноши, изрыгала проклятия. Женщина, казалось, вошла в раж, жалости к пленнику и вору у нее не было. Она готова была забить его до смерти, если бы на кухню не зашла другая кухарка, которая подбежала к ним, остановив жестокое избиение.

– Что ты творишь Ильза? Разве нам велено бить пленников?

– Этот гаденыш украл картофельную кожуру и мясо со стола.

– Погляди на него, он же голоден. У тебя есть сын, Ильза, примерно такого же возраста. Разве тебе не жаль этого мальчика?

Добрая немка склонилась к Владиславу, ласково улыбнулась. Она так была похожа на Брониславу: такие же добрые прекрасные глаза, те же мягкие локоны. Влад смотрел на нее, не отрываясь, и вдруг ринулся к ней на грудь, заплакал.

– Мама, мама, – он звал свою настоящую, горячо люби-

мую мать, и сейчас видел ее образ – светлый, всегда близкий в лице доброй кухарки.

Женщина прижала его к себе, гладила по голове мягкой теплой ладонью, а юноша твердил в полузабытье:

– Мама, моя родная, забери меня отсюда, спаси меня.

– Бедный мальчик, – проговорила немка, не понимая польского языка, – ты голодный, а тебя еще и бьют за это, – и все ее тепло вылилось в заботу о несчастном пленнике.

Не долго думая, она уложила в газету немного картошки и кусок той самой злополучной свинины, протянула его Владиславу со словами:

– Это тебе. Ешь на здоровье, мой родной.

– Спасибо, – по-немецки ответил юноша, ощущая всю теплоту, исходившую от нее.

Поздно вечером Влад с радостью поделился призом со своими друзьями. Стас приготовил необыкновенно вкусный суп, добавив в него несколько грибов, собранных им поутру. У друзей был поистине настоящий пир! И желудки их более не болели. Попивая суп, довольный Стас предложил друзьям новый план по выживанию:

– С завтрашнего дня собирайте и несите сюда все, что найдете. Консервные банки, куски бечевки, газеты, фантики: словом то, что выкидывается. Здесь, в плену, каждая – даже самая незначительная вещь дорога и полезна.

Укладываясь спать, усталый, но счастливый и сытый, Владислав тихонько позвал Стаса. Тот спросил, что случилось,

на это юноша ответил:

– Ты лучший мой друг, такой, о котором я мечтал всю жизнь. И теперь я прошу тебя – просто как человек: если я умру... умру раньше, чем кончится война, то похорони меня, похорони в земле, я не хочу, чтобы мое тело сожгли. Не хочу превратиться в горстку пепла, ибо это противоречит природе и божественной сущности человека. А на грудь мою положи образ святого Антонио и молитвы, написанные рукой матери – это все благословение мне, а отныне единственное, что осталось светлого, у меня больше ничего нет.

Стас уселся подле него, молвил:

– Не смей говорить так! Ты выживешь, останешься жив, у тебя будут жена и дети, много детей: куда же без них. Вот те крест! – он перекрестился, замолчал.

– Нет, просто обещаю.

– Ой, не хочется мне то говорить, но... обещаю, но не верю.

Стояла глухая октябрьская ночь. По крыше длинными ветвями скребыхались деревья, где-то вдали, в лесу, одиноко ухал филин. Темнота окутала землю плотным колпаком.

Глава двенадцатая

Говорят, что человек ко всему привыкает, приспособляясь даже к тяжелым, суровым условиям. Так произошло и с Владиславом. Благодаря помощи друзей, бесценных советов Стаса, без которых они бы не выжили, юноша открыл для себя мир, полный сокровищ. Днем в лесу он собирал ягоды и грибы, пил из ручья чистую родниковую воду: она была такой ледяной, что ломило зубы, влага каплями ниспадала с подбородка и падала на одежду. Каждый вечер перед возвращением в барак Влад отыскивал в траве ли, около казарм, за стройкой ли клад: гвоздь, веточку, банку, обрывки веревки, порванную газету, поломанную ложку. Все находки – такие нужные ныне, он складывал под своей койкой, тайком делясь ими со Стасом и Фрадеком. Стас из найденной им лески и палки соорудил нечто, похожее на удочку с гвоздем на конце, и научил друзей удить рыбу, что водилась в маленькой речушки, протекавшей в лесу. Иной раз они возвращались с уловом, иногда с пустыми руками, но теперь, по крайней мере, голод им был не страшен – лишь бы пережить зиму.

В середине октября пленников отвели в другой край леса для расчистки земли и копания траншей. Ни свет ни заря поляки строем выходили из бараков, держа в руках лопаты, и отправлялись на работу. Было трудно, тяжело, но все

старались держаться. Те же, кто падал на землю, немцы просто погружали в телегу и отвозили за стену, выбрасывая тела в глубокую яму словно мусор. Владиславу становилось страшно и глухие сомнения вновь закрадывались в душу, у него появлялось одно-единственное желание: убежать, вырваться на свободу – к свету.

Один из пленников при рытье траншеи вдруг откинул лопату в сторону и зашел громким долгим кашлем. Остальные прекратили работы, с жалостью и недовольством поглядели на него. А тот все продолжал и продолжал кашлять, покуда по губам не потекла кровь. Все ринулись в рассыпную: никто не хотел заразиться туберкулезом. К больному подошел офицер гестапо, схватил несчастного за волосы, приподнял и, убедившись, что тот не врет, проговорил:

– Собака! Того гляди и других заразишь, – затем призвал других немцев и вместе они повели больного в другую сторону: там, как известно, оставались зараженные туберкулезом в полной изоляции.

Глядя им вслед, Влад наклонился к уху Стаса, молвил шепотом:

– Опасаюсь я, как бы мы все не полегли от болезни раньше, чем кончится война.

– О чем ты, тут же кругом немцы, а они параноики по поводу болезней, особенно туберкулеза. Вот увидишь, нас еще врачи осмотрят.

Мужчина принялся вычищать лопатой яму, рассказывая

при этом, как уберечь себя от смертельных болезней, а Владислав думал о чем-то другом и в голове его родился новый план, в который он еще и сам не верил.

Одним из серых, дождливых дней – типичный для октября, в барак к полякам зашли высшие офицеры из штаба. Они глядели с презрением на пленников: худых, грязных, в изорванной одежде, у многих отсутствовало половина зубов и волос. Для чистых сытых немцев в военных мундирах пленные не являлись людьми, а лишь жалкими существами неарийской крови.

– Поднимите головы и слушайте, скоты! – парировал главный офицер. – Многие из вас больны туберкулезом и чтобы те из вас, кто еще здоров и способен работать, не подошли бы раньше времени, было приказано отвезти вас в баню и смыть ваши грязь и вшей.

По команде поляки встали в ряд и направились вслед за гестаповцами к выходу, где их ждали два грузовика. Усадив пленников в кузова, машины направились из лагеря по направлению к деревне, и пока они ехали, тучи рассеялись, небо вновь стало голубым и на землю спустились лучи яркого солнца.

Владислав наблюдал из кузова на открытый-свободный мир. Вон вдалеке, среди холмов, раскинулись домики, утопающие во фруктовых садах; крестьяне – мужчины и женщины собирали урожай с полей, они никуда не спешили – счастливые. И стало на душе юноши тяжело, обидно. Он за-

давался в себе вопросом: отчего все они – немцы, поляки, русские, армяне, татары – люди – та же кровь, те же кости, мозг, сердце, но одни свободны, а другие пленники, обреченные на погибель? Отчего так? Кто придумал, что одни лучше других? Для чего? Он хотел было поделиться своими мыслями со Стасом и Фрадеком, но передумал: они и так работают в тяжелых условиях, им не до философии ныне.

Грузовики остановились возле большой общественной бани. Немцы с криком «шнеле, шнеле» втокнули поляков в двери и ушли. В предбаннике их встретили четыре женщины: высокие, тучные, в белых халатах. Они приказали всем быстро раздеться до нога и идти в парилку. Обнаженных мужчин женщины хватили за различные места, что-то говорили непотребное на немецком. Поляки вошли в соседнюю комнату, там было нестерпимо жарко, с пола до потолка окутано пространство белым паром. И какое блаженство! Впервые за долгое время пленники смывали грязь с тела не холодной водой. Они сидели на скамьях, чувствуя, как открываются поры и нечистоты вместе с потом стекают вниз.

Немки принесли ведра с прохладной водой, плескались ею в мужчин, палками трогали их гениталии, желая как можно сильнее унижить. Две женщины посматривали на Владислава. Обладая необычной для европейцев яркой красотой, он привлекал их внимание, а глаза – большие, синие, манили какой-то тайной, неизвестной силой. Немки подсели к нему, каждая старалась коснуться его, поцеловать в щеку.

– Самый молодой и самый красивый, – проговорила одна из них, проведя ладонью по его выпирающим ключицам.

Третья женщина, до сей поры находящаяся в тени, уселась подле Стаса, коснулась его висков, щеки, шеи, наклонившись к его плечу, она больно укусила его и на том месте остались следы ее крепких зубов. Но мужчина терпел, сохраняя спокойствие, ни один мускул не дрогнул на его челе.

– А мне по вкусу вот этот. Он такой мужественный, серьезный. Признаться, славяне не хуже наших мужчин.

Она провела ладонью по его ногам и хотела было потрогать срамные места, как Стас, до этого погруженный в воспоминания о супруге, резко встал и вышел в предбанник, унося в душе тугой комок горя и злости. Владислав, окруженный с двух сторон женщинами, глядел другу вслед, завидуя ему. Он тоже хотел освободиться от грубых навязчивых объятий немецких женщин, но боялся показаться перед ними трусом, несмышленным мальчишкой. Гордая армянская кровь только сейчас вышла наружу из тайниках сердца, заструилась-забежала по жилам.

«Не забывай, кто ты такой, – услышал он в памяти слова тети Ванды, – помни о своем народе, знай, что ты армянин».

В предбаннике пленники одевались – грязная одежда на чистое тело, а женщины продолжали предавать их унижению, указывали пальцами на срамные места, приговаривали: «А у тебя больше. А у тебя меньше» и громко смеялись. Широкие двери были распахнуты настежь, с улицы дул

холодный ветер. А дальше, за воротами простирался волнистый пейзаж, сменяющийся на горизонте покрытыми сосновым лесом горами. Владислав смотрел, вглядывался в убегающие волны зеленых холмов под голубым небом, и хотелось ему убежать отсюда туда, куда манили далекие горизонты, остаться одному, побыть в тишине под прохладным ветром, лечь на траву и вдыхать ее горьковато-приторный запах. Но и этого, даже самую толику, ему не позволено было сделать. Вместо свободы он вновь сидел в кузове грузовика, с болью в сердце расставаясь с раскинувшимися полями. Машины повернули на север и направились в лагерь — в Альтварп.

Глава тринадцатая

Работы продолжались. Днем еще было тепло под лучами солнца, но долгими вечерами становилось нестерпимо холодно. Пленники усаживались вокруг самодельной печки, грели руки над огнем, общались. В бараки иной раз забредали крысы, мыши. Люди их ловили, если оставалось сил, а Владислав со Стасом их освеживали и бросали в воду, готовя вполне сносную похлебку.

Ночами Влад просыпался, уходил в уборную и там простужено подолгу кашлял, боясь разбудить остальных. С грустью он вспоминал теплые заботы матери, по которой постоянно скучал. В памяти всплывало, как Бронислава, если слышала его кашель, тут же отправляла сына в кровать, укрывала теплым одеялом и поила горячим молоком с медом, лимоном и чесноком. Тогда, будучи ребенком, он не осознавал ее бескрайнюю доброту, ныне в плену понял, как сильно ему не хватает заботливой материнской руки.

Своими переживаниями Владислав делился лишь со Стасом. Бывало, между работами они отправлялись в лес якобы по нужде, а сами шли к тому месту, где меж камнями и корнями деревьев бежал ручей. Присев на бревно, они в молчании глядели на поток воды, так мирно успокаивающего все существо. Было за счастье сидеть вот так просто в мире и тишине, наслаждаться покоем, вдыхать соленый морской воз-

дух.

– Знаешь, Стас, – говорил Влад, – мне нужен план побега, мне необходимо вырваться из этого проклятого места куда-нибудь, хоть на край света, иначе я не доживу до весны.

– Как убежишь? – вопрошал мужчина.

– Любым путем и пускай они станут стрелять, мне все равно. Лучше умереть сразу, чем гнить в этом лагере.

Бывало, Владислав проходил вдоль стены, обнесенной колючей проволокой. Он сжимался при виде этой стены, чувство страха сковывало его тело. Но когда он сворачивал в сторону, то вновь начинались деревья, колючая проволока оставалась позади. Юноша поднимал голову вверх, глядел на кроны сосен и небо, ощущая, что летит вместе с облаками. В эти мгновения он чувствовал себя свободным и счастливым, стена уже далеко и более она не покажется на пути. Это был душевный разрыв между пленом и свободой, иллюзия раздолья зарождалась внутри него и перед ним – это-то и спасало от полного безумия.

Владислав вышел на протоптанную дорогу и остановился. Справа от него, по другую сторону забора, сидели советские узники. Юноша повернулся к ним и встрепенулся от ужаса: грязные, почти голые, с запавшими глазами русские пленники напоминали более скелеты, обтянутые кожей, нежели людей. В основном они сидели или лежали на грязной земле, стоять у них не было сил. Немцы не давали им никакой еды, от голода – невыносимого, страшного, они жевали тра-

ву, листья, стебли, кору дерева, кто-то брал в рот комья земли, но через несколько минут сворачивался вдвое и катался по земле от боли, умирая в муках. От их нечеловеческого горя, от несправедливости у Владислава выступали на глазах слезы, такими незначительными казались собственные заботы и запреты. А он-то жаловался на жизнь: поляков хотя бы кормили, да и сам он с друзьями искали в лесу пропитание. И тут Влад вспомнил, что в кармане его штанов лежит припрятанный кусочек хлеба – на всякий случай, если во время работы захочется поесть. Не долго думая, юноша украдкой подошел к колючему забору, отделяющего его от них, осмотрелся – офицеров нигде не было, и бросил русским хлеб. Те продолжали глядеть на него какими-то страшно непонятными, пустыми глазами, не осознавая, зачем и почему этот человек угостил.

– Ешьте, это хлеб, он вкусный, – проговорил Владислав на русском, хотя и с акцентом. Он начал жестикулировать, указывая то на хлеб, то на рот.

Русские пленники как будто стали понимать. Один из них подкрался и, взяв хлеб, начал медленно жевать, по его впалым щекам текли слезы. Влад улыбнулся, он был рад хоть чем-то помочь горемыкам. И не заметил, как к нему сзади подкрался немец. Властным движением тот резко развернул к себе юношу, проговорил:

– Ты что делаешь, негодник? Подкармливаешь их, да? А добавки им не дашь?! – ударом кулака офицер повалил

растерянного Влада на землю, стал бить ногами, плевать, кричать бранные слова.

– Я же забуду тебя до смерти, щенок, – приговаривал немец, нанося раз за разом удары по корчившемуся от боли пленнику, – а вы, русские собаки, – отозвался гестаповец на других пленных, – глядите, смотрите, что с ним будет.

Владислав закрывался руками от ударов, но это мало помогало, невыносимая боль ломала все тело, из разбитых носа и губы текла кровь, а удары не кончались. Русские видели, горестно вздыхали, отворачиваясь от жестокой сцены, и каждый крик несчастного больно отзывался в их ушах.

Немец оставил избитого Влада, погрозил русским пистолетом, угрожая скорой расправой, и ушел. Немного отлежавшись, Владислав постарался подняться, но не мог: живот и спина болели, к горлу подступила кровавая тошнота. Он сел на колени, отплевываясь кровью, перед глазами все кружилось. Вдруг расслышал шаги, к нему бежал один из охранников, что видел всю сцену избиения. Незнакомец помог юноше приподняться, с жалостью всматриваясь в лицо. Немец был молод – не старше двадцати пяти лет, статен, светловолос, с белым чистым лицом. Он заботливо довел Владислава до барака, сказал:

– Вы хорошо знаете немецкий?

Владу не хотелось сейчас ни с кем общаться: боль в теле, усталость, слабость отнимали последние силы, но вопреки всему от ответил, ибо молчать не мог:

– Да, моя матушка научила меня говорить на нем, так как она сама родилась и выросла в Вене.

– Получается, ваша мама австрийка?

– Нет, ее родина Польша.

– О, ваша мать мудрая женщина, что учила вас иностранному языку. Это должно вам помочь, ведь к вам относятся все же лучше, чем к остальным пленникам. Я видел, как вы часто выступаете здесь переводчиком.

– Нет, вы не правы, – со вздохом проговорил Влад, унимая боль, – ко мне относятся также, как и к остальным, немцам все равно, сколько языков я знаю.

– Но вы отличаетесь ото всех, ибо производите впечатление умного и образованного человека. Можно поинтересоваться: кто был ваш отец?

– Мой отец, если, дай Бог, еще жив, профессор искусств, фотограф и художник.

Немец немного задумался, собираясь с мыслями, словно имел какую-то тайну, в которую хотел посвятить юношу. Наконец, после затяжного молчания он сказал:

– А знаете, ведь я тоже художник. Если желаете, я покажу вам, что я рисую в свободное время.

– Но как я увижу ваши картины?

– О том не беспокойтесь. Вы станете приходить ко мне в комнату убирать – ведь это легче, нежели капать траншеи и носить кирпичи, а уж я награжу вас. Вы согласны?

– Да, – с неуверенностью ответил Владислав, но рассуж-

дать о том у него не было сил.

Вечером перед сном он поделился историей знакомства со Стасом. Мужчина, сняв тяжелую куртку, какое-то время сидел молча, уставившись в пол: уставший, похудевший, с запавшими щеками, он был не похож на себя прежнего, совсем другой человек.

– Не верю я этому немцу, все они одинаковые, – проговорил Стас.

– Почему? Ведь он помог мне. Скорее всего, он даже не офицер, а простой охранник.

– Делай как знаешь, но я предупреждаю тебя, что он за свою доброту потребует что-то взамен.

Спорить Влад не стал, в душе он надеялся на лучшее, верил, думал, что немец просто стебель, за который нужно держаться в бурном водовороте жизни. Пойманный в плен, кинутый вдали от дома и родных, претерпевая столько унижений, издевательств, горя, что готов был поверить любому, пойти за тем, кто хотя бы считает его человеком, таким же человеком – из плоти и крови.

Ранним утром, еще до рассвета, в темноте поляки строем шли на работы в лес, немец-охранник приблизился к Владиславу и знаком показал следовать за ним. Он привел его в свою комнату на втором этаже, сказал:

– Это моя комната, ты убереешь ее. Я оставлю тебя одного, к вечеру вернусь.

Охранник ушел, заперев дверь на ключ с внешней сторо-

ны, а Влад стоял посреди квартиры, не веря в происходящее, но радуясь тому, что остался один, в полной тишине. Он осмотрелся. Комната как комната, ничего лишнего: кровать с металлической спинкой, шкаф, письменный стол, на котором стояли в рамках фотографии женщин и детей, седовласого мужчины с большими усами – семья немца. Влад так и смотрел на его многочисленную родню, но перед взором своим видел не их, а свою любимую мать, строго отца, ласковую сестру-красавицу Янку с яркой восточной внешностью, брата Казимежа, что тоже воевал в Движении Сопротивления, однако о судьбе его ничего не было известно. По щекам юноши текли слезы. Он так хотел вновь вернуться домой, что, позабыв об уборке, сел на стул, прикрыл глаза, предавшись мечтам. В углу тихо звучало радио, за окном чирикали птички, а вокруг не было никого. Владислав не заметил, как сон накрыл его пеленой и там он вновь был в родном доме – в Кременце, в саду, где росли розы, а рядом находились родные, горячо любимые люди: отец, мать, брат и сестра. Они были с ним, они обнимали его, держали за руки. Все вместе шли по саду, любовались зеленью природы, общались, смеялись и Влад тоже смеялся, ему было хорошо. Резко пробудившись от непонятного неведомого толчка, юноша блуждающим взором оглядел, где находится. Своих родных рядом не оказалось, а с фотографий на него смотрели другие люди – чужие, незнакомые. Какая-то непонятная странная тоска легла на его сердце, он вдруг почувствовал себя обману-

тым, покинутым. С тяжелой горечью Влад принялся за работу. После стольких дней на стройке уборка небольшой комнаты показалась ему столь легкой, незначительной. Он подметал, мыл, вытирал пыль, а в углу играло радио – там звучала какая-то симфония. Под тихую мелодию, под тишину собственной души Влад не заметил, как все убрал, теперь комната вновь стала чистой и уютной. Вдруг он заметил на полке кусок немецкой колбасы. С вечера у него во рту не было ни крошки. Нестерпимый голод вновь контролировал его как тогда на кухне. Не долго думая, юноша схватил колбасу и тут же съел. Немного насытившись, Владислав осознал, что натворил – он украл, он вор. С тяжким томительным ожиданием он сидел в комнате, боясь наказания. И когда немец вернулся и, осмотрев комнату, остался доволен, Влад ожидал, что тот скажет на счет пропажи колбасы, но охранник как будто ничего не заметил. Он проводил пленника до барака, обещая вернуться за ним утром.

Всю ночь Владислав не сомкнул глаз, он волновался, боялся наступления завтрашнего утра, боялся встречи с охранником, который, если обнаружит пропажу, непременно накажет его за воровство. Но ни на следующий день, ни в последующие молодой немец ничего не говорил, но зато Влад всякий раз обнаруживал на полке кусок колбасы с хлебом и понял, что то есть плата за его работу. Юноша больше не боялся, зато подозрение высказал Стас, не веря в искреннюю доброту охранника. И, как оказалось, опасения его было небес-

почвенными.

Однажды немец пришел на час раньше обычного, Владислав еще не успел до конца убрать в комнате. Кинув ключи на табурет, он положил на стол хлеб с колбасой, спросил:

– Ты голоден?

– Да, – молвил Влад, – но я поем позже, когда закончу с уборкой.

Немец засопел, глаза его стали непонятными пустыми – злыми, он приблизился к юноше, усадил за стол, проговорил:

– Ты будешь есть сейчас, – руки его тряслись, неистово в ярости он схватил колбасу, стал с силой заталкивать Владиславу ее в рот, кричал, – нет, подлец, ты будешь есть сейчас, сию минуту!

Боясь за свою жизнь, впервые видя охранника таким, Влад принялся за еду, он ел быстро, глотая большие куски. А немец, усевшись напротив, глядел на него, в злобе кричал:

– Ешь быстрее, как собака! Ты – не человек, ты собака. Жри как собака! – в неистовости он расстегнул штаны и стал сам себя удовлетворять, вперив взор на Владислава. И чем быстрее тот ел, тем чаще немец делал это рукой. Когда с бутербродом было покончено, охранник выдохнул облегчено и вытер руку о кусок газеты, отпустив юношу восвояси.

Следуя к бараку в полном одиночестве, Влад не верил в то, что произошло. Нет, это сон, всего лишь кошмар, стоит только ущипнуть себя. Он больно ущипнул ногу, но картина созерцания оставалась неизменной. Юноша вспомнил немца,

его действия и от сего хотелось просто убежать куда-нибудь, раствориться, стать невидимым. К горлу подступила тошнота, его вырвало и в желудке вновь стало пусто.

Охранник приходил к нему еще целую неделю и каждый раз заставлял пленника есть как собака, и при этом облегчая себя непотребством. Возможно, то было из-за отсутствия женщин или еще чего, но именно это и спасло Владиславу жизнь. Он долго не решался рассказать о том Стасу, но у него не хватило сил держать все внутри себя. Юноша поведал другу обо всем, как сильно он переживал. Тот ответил:

– Я же предупреждал, что помощь давалась не просто так. Тебе еще повезло, что тебе сохранили жизнь. Здесь, в Германии, в среде гестаповцев много таких, они проходят специальную психологическую подготовку, после которой у них полностью пропадает всякая брезгливость. Будь осторожен, Влад, и не ходи к нему больше.

Владиславу повезло: молодого немца отправили в другой лагерь, к другим пленным, и больше он его не видел в Альтварпе. Судьба сама расставила все точки над і.

Глава четырнадцатая

Каждый день: ветреный, холодный был похож на предыдущий. Нужно было рыть траншеи, таскать кирпичи, месить цемент. Еды не хватало и голод был постоянный. Ото всего этого – скудной еды, грязи, тяжелой работы многие за­мертво падали на каторге и их тела просто скидывали в яму за дюнами – как мусор; у большинства выпадали зубы и волосы, крошились ногти, трескалась кожа. Не обошла сия участь и Яна. Осунувшийся, без передних зубов, с запавшими глазами, он уже не говорил о драке, а только с насмешкой наблюдал за Владиславом. Однажды им предстояло таскать в ведрах песок. Это было очень тяжело, пальцы рук натирались до крови, а немцы понукали работать быстрее.

– Шнеле, шнеле! – торопили пленников надсмотрщики, избивая палками нерадивых.

Влад в это время сыпал лопатой песок в ведро, которое ему потом следовало отнести на стройку. От голода тряслись руки, кружилась голова, но он терпел, боясь вновь отведать палок по пяткам. Он более не говорил о своих планах, даже Стасу. Друг потерял всякую надежду на спасение и не понимал рвения юноши вернуться домой. Мысли как стая птиц проносились в голове, а натруженные руки без устали капали, таскали, месили.

Ян наблюдал издали, то и дело донимая Владислава едки-

ми, обидными смешками.

– Ты, – поговаривал мужчина, улыбаясь беззубым ртом, – все равно что покойник. Живой тебе отсюда не выбраться. Ха-ха!

Юноша украдкой бросал на него равнодушно-жалостливый взгляд, после чего продолжал работать.

– И не заносись, интеллигентиска! – продолжал Ян, все озлобляясь и озлобляясь. – Ты еврей, а я вас ненавижу. Жаль, что твой народ не истребили до конца. Стас глупец. Защищая тебя, он становится таким же как и ты. Когда ты умрешь, я буду только рад.

Его злило спокойствие и равнодушие Владислава. И чем меньше тот обращал внимания на оскорбления и проклятия, тем сильнее ненавидел его Ян. В конце охрипнув от гнусных богомерзких слов, мужчина с трудом приподнялся и подошел к Владу. Долго он разглядывал его, затем проговорил:

– Ты, собака живучая, но я позабочусь, чтобы все стало наоборот, – и с проклятием пнул ведро с песком. Песок, что с таким усердием собирал Владислав, рассыпался по земле.

Ян, довольный жестоким глупым поступком, ушел. Юноша глядел ему в спину уставшим бессмысленно-глупым взором. Он ничего не хотел, спорить тем более. Подняв ведро, он заново начал свою работу.

Вечером в тишине Владислав молился. В руках была маленькая ладанка святого Антонио – единственное существо, что оставалось с ним от матери. Она, родимая, держала образ

в своих руках, в своих теплых ладонях, и сейчас это тепло согревало юношу, отвращало-защищало от зла. По его щекам текли слезы. Он долгое время держал глубоко в сердце копившиеся обиды и лишь в святом молчании давал волю чувствам.

– Господи, Один Ты мой заступник. Прошу, отверни от меня козни людей, защити. Если то испытания, то я готов вынести все по воле Твоей. Но лишь об одном прошу, умоляю, Господи: позволь мне еще раз увидеться с моими родными, за это забери мою жизнь. Я готов отдать все, что у меня есть, лишь бы встретиться с моей семьей.

Он закрыл глаза, ощутив биение собственного сердца. В этом мире он один и всегда был один. Люди сами ставили преграды между собой и им, но Влад смирился, уповая лишь на Бога. И здесь, в плену, где жизнь человека не стоит ничего, он сам воздвигал стену, сторонясь и не доверяя остальным.

Вдруг над головой раздался какой-то слабый стук, потом шорох. Владислав медленно, с каким-то потаенным страхом глянул наверх и заметил на решетчатом окне белого голубя. Птица ходила взад-вперед, стуча клювом по решеткам и просовывая головку в комнату. Юноша приподнялся, протянул руку к голубю, желая дотронуться до него, но птица взмахнула крыльями и упорхнула. Влад еще долго вглядывался на улицу – туда, где скрылась птица. Тугой комок рыданий вновь подступил к его горлу.

На следующий день рано утром объявили, что всех пленников будет осматривать врач на наличие туберкулеза. Рентгеновского аппарата не было и потому каждому доктор выдавал кусочек стекла, на который стоило плюнуть, по слюне через микроскоп будут определять: больной или здоровый.

Владислав все еще был полон решимости вырваться на свободу, вернуться домой. Долгое время перед сном он придумывал то планы побега, то как можно договориться с немцами и они отпустят его восвояси. Но со временем он понял все безумство этим начинаниями: со вторым вариантом ничего не выйдет, первый же возможен, но крайне опасен – он бы и минуты не прожил, если бы неосторожно вышел за ворота. И вот прилет голубы – вестника мира, осмотр. Нужно действовать: судьба посылает ему шанс на спасение.

Группой в несколько человек поляков провели в медпункт. Перед входом на крыльце Владислав запрокинул голову и увидел, как над крышей на фоне голубого неба парил белый голубь: сделав круг, птица улетела на восток. Сердце юноши учащенно забилося, он вдруг почувствовал перемены в жизни – плохо то или хорошо, не знал. Он запустил руку в карман: там лежал образ святого Антонио и молитвы Господу, написанные материнской теплой рукой, в другом кармане в фантике из-под конфеты его единственное спасение – капелька слюны старого поляка, лежащего в отдельной комнате и умирающего от туберкулеза. Еще раним утром, когда большинство спали, Влад отправился к этому больному:

он заранее выведал, что рентген им делать не будут. Зайдя в клетушку, юноша увидел лежащего старика. Тот хрипел, отплевывался кровью, сыпал проклятия на головы еще здоровых людей. Увидев человека подле своей кровати, больной плюнул в него, но попал на пол, как-то страшно бесновато рассмеялся, проговорил: «Скоро вы умрете. Вы все покойники. Да!» Владислав, уличив момент, наклонился и быстро подобрал с пола слюну, гордясь самим собой за выдуманный хитроумный план. Не обращая внимания на брань старика, он вышел с легким сердцем. Половина дела была сделана. Оставалось последнее – обмануть врача.

В кабинете за столом сидели доктор и медсестра – немка с белокурыми волосами и покрашенными алой помадой губами. Влад уселся на кушетку, руки и ноги тряслись от волнения.

– Как ваше имя? – спросил врач, заполняя какие-то бумаги.

– Шейбал Владислав, – ответил юноша как было принято в Польше.

Медсестра усмехнулась, искоса взглянув на него, врач сказал ей:

– Видите, какие это необразованные люди. Я спрашиваю его имя – его христианское имя, а он называет свою фамилию.

– Но это же дикари, варвары, унтирменши, чего с них взять? – грубость этой женщины никак не сочеталась с ее

милым, даже красивым лицом.

Доктор подозвал к себе Владислава, послушал его грудь, проверил пульс, измерил давление. Он осмотрел его горло и зубы, после чего отдал маленькое стеклышко для плевка и вернулся к своей монотонной работе: заполнять бланки и настраивать микроскоп.

Владислав с замиранием сердца взял стеклышко. Он ощущал себя и счастливым и несчастным одновременно, он волновался и радовался, ему хотелось плакать и смеяться. Такие противоречивые чувства смешались воедино, заполнили всю его душу. Руки тряслись, ныл живот: решался вопрос жить или умереть, свобода или плен. Нет, нельзя более медлить, нужно решаться. Юноша отвернулся от врача и медсестры, каждая секунда казалась вечностью, весь мир как бы остановился в ожидании решительного шага. Скорее он достал из кармана фантик и положил слюну больного на стекло, при этом издав звук плевка. Вернув стеклышко доктору, Влад так весь и замер, он не мог дышать, он волновался. Врач долго глядел в микроскоп, пожимал плечами.

– Ничего не понимаю, – говорил он медсестре, – вроде молодой человек здоров, в легких все чисто, а нате – туберкулез. Скорее, начальная стадия или скрытая.

– Оформлять? – прошептала медсестра.

– Да, оформляйте.

Владислав вышел из кабинета, еле сдерживая себя, дабы не рассмеяться, не запеть во все горло. Да, он сделал это!

План к свободе, такой долгожданной, осуществлен! Его перевезут в больницу, а оттуда куда легче сбежать.

Солнце ярко осветило его сияющее лицо, лучи были теплые. Осторожным движением он коснулся образа святого и, глядя в небеса, прошептал благодарственную молитву.

Глава пятнадцатая

Первая радость от предстоящей свободы сменилась грустью. Да, Владислав вскоре покинет концлагерь, покинет Альтварп навсегда, но здесь все еще оставались его друзья Стас и Фрадек. Они-то никуда не уедут и участь их была неизвестна. Вечером перед отъездом в прохладной тишине северного леса Влад и Стас сидели вдвоем на коряге, оба грустные и задумчивые. Каждый понимал, что пути их жизней расходятся – навсегда. Теперь Владислав чувствовал в душе какое-то постыдное ощущение, будто он предает друга, того друга, что стал его вторым отцом, именно благодаря ему он все еще жив. Владислав обманул доктора, оставил друзей – и это ради собственных амбиций. У Стаса и Фрадека в Польше остались жены и дети, у него же никого не было, и однако не друзья сокрушались о плене, а он. Юноша хотел лишь встретиться с родными, а сейчас понял-осознал, что не это сподвигло его к хитроумному плану, а собственная жизнь – та жизнь, к которой он привык с рождения: сытость, достаток. Влад посмотрел на Стаса и на глаза у него выступили слезы. Ему хотелось обнять друга, попросить у него прощение, рассказать о своей придуманной хитрости, но вместо этого он проговорил:

– Прости меня, друг мой.

– За что? – удивленно спросил тот.

– За то, что покидаю тебя. Меня увезут в больницу, будут хорошо кормить, а ты остаешься здесь... Гиблое место...

– По мне так лучше копаться в грязи, нежели лежать в палате с больными, изнывая от тоски и скуки. Я всегда ненавидел больницы.

Эти слова несколько успокоили Владислава, но чувство горечи расставания все еще жило в его душе. Стас положил свою ладонь ему на плечо, молвил:

– Ты не грусти. Все будет хорошо, а там, может статься, еще свидимся, – он протянул ему иконку святого Иза, добавил, – пусть он хранит тебя, а я буду молиться, чтобы с тобой ничего не случилось.

У обоих были слезы. Они крепко по-дружески обнялись, боясь, что более никогда не увидятся.

Через два часа больных туберкулезом усадили скопом в грузовики и повезли в Старгат. Владислав то и дело оглядывался назад: позади остались казармы и бараки пленников, по периметру со всех сторон мерцали огни – много-много огней. С радостью и жалостью, что омыли его сердце полупрозрачной водой, он в последний раз глянул туда, где недавно работал и общался, охотился и просто отдыхал вместе со Стасом и Фрадеком. Увидит ли, встретит ли их еще когда-нибудь? Стас держался, им управляла огромная сила выжить, не умереть, Фрадек же в последние дни выглядел совсем истощенным, беспомощным, его уже оставили всякие надежды на то, чтобы бороться за свою жизнь, он мед-

ленно угасал как восковая свеча.

В тиши Влад сжал в руках тельник, перекрестился, поблагодарил Господа за спасение и попросил Его о помощи еще раз – не для себя, для других пленных: поляков, евреев, русских, французов.

Грузовики продолжали ехать по извилистым дорогам, протянувшихся среди лесов и холмов. Рассвет застал их далеко от Альтварпа. Их привезли на станцию Анкам. Окриком шестеро немцев приказали пленникам выбираться из кузова и собираться в одном месте на перроне. На вокзале уже ожидали своего поезда крестьянки из близлежащих деревень. Женщины переговаривались между собой, иной раз посмеивались, украдкой посматривая на пленников. И эти крестьянки с корзинами в руках, и семейные пары с детьми были свободными людьми. Они не ведали ужасы концлагерей, испытания и мытарства осужденных, что находились по ту сторону забора.

Вскоре прибыл поезд. Поляков поместили в отдельный вагон – подальше от свободных людей, потому что они были в глазах немцев прокаженными – неарийцы, больны туберкулезом. Дорога заняла весь день и только к вечеру локомотив приехал на станцию Старгат – именно там располагалась большая больница для пленников.

Госпиталь представлял собой огромное старинное здание конца восемнадцатого века. Поляков ввели в холл: большой, просторный, с покрашенными белым цветом стенами.

На верхние этажи вела широкая лестница с резными перилами, а потолки подпирали массивные колонны с лепниной.

Больные осмотрелись по сторонам. После тяжкого плена и барачков больница показалась им роскошным дворцом. Портье сверил их карточки и документы, переспросил еще раз имена и дату рождения. От природы эмоциональный, словоохотливый Владислав спросил портье:

– Скажите, это точно больница?

– Да, это госпиталь для иностранных заключенных. По документам вы являетесь не узником концлагеря, а военнопленным.

– Почему именно в эту больницу нас привезли?

– Потому что у вас туберкулез.

Мужчина оказался на редкость дружелюбным и охотно отвечал на все вопросы в противовес грубым, жестоким офицерам из гестапо.

Вскоре к ним спустилась медсестра – приятная полная женщина средних лет. Она поприветствовала вновь прибывших и велела им подниматься на третий этаж. Поляков разместили в нескольких палатах, где в каждой лежало по несколько человек. Им выдали новую одежду и чистое белье – все то привезли активисты Красного Креста.

После стольких недель нечистот барачков, грязных работ и умывания в холодной воде чистая ванная с душем показалась раем. Владислав стоял под струей горячей воды, с бережностью промывая волосы шампунем. Полуоткрыты-

ми глазами он наблюдал, как вместе с потоком в канализационный сток уходит грязь – и телесная, и душевная. Он долго еще стоял под душем, тер жесткой щеткой кожу, и чистый, в новой одежде, присел на койку – там тоже были чистые простынь, наволочка, одеяло. Юноша вдруг почувствовал себя таким счастливым, успокоенным. Он более не хотел думать ни о чем: ни хорошем, ни дурном. Стоило ему лишь коснуться мягкой подушки щекой, как сон тут же сморил его и унес далеко-далеко, за пределы реальности, в неизведанные миры.

Глава шестнадцатая

Утром в палатах больным раздали завтрак: какао с молоком и хлеб с маслом. Ели молча. Когда санитарка забрала у них посуду, к Владиславу подсел один человек, приветливо улыбнулся, спросил:

– Доброе утро. Как твое имя? – большие карие глаза глядели весело и дружелюбно.

– Мое имя Владислав, я родом из Польши, – ответил незнакомцу молодой человек.

– Очень рад нашему знакомству. А меня зовут Парчови, я итальянец. Все мы тут, – он указал рукой в угол, как бы рисуя линию, – бадолисты из антимуссолинского движения. Мы находимся здесь, точнее, нас привезли в эту больницу, потому как у многих из нас обнаружили ревматизм, кто-то уже умирает от туберкулеза в отдельной палате. Но мне все равно здесь нравится больше, хоть это и тюрьма, – Парчови махнул головой в сторону окна, там были решетки, – но, по крайней мере, тут кормят неплохо, дают чистую одежду, всегда работает душевая.

Влад слушал его, не перебивал. Из его слов он понял, что война захватила всех, и даже среди немцев были те, кто выступал против Гитлера, против фашизма. До этого, находясь в плену в Альтварпе, юноша понимал лишь одно: немцы – зло, их союзники – зло. Ныне осознал, увидел собственны-

ми глазами, сколько людей в Германии пострадало из-за жестокого режима, сколько итальянцев сгинуло в концлагерях за иное мнение против войны.

Время от времени он выходил из палаты, думал о будущем, иной раз оглядываясь назад. Из того пережитого им грустно становилось от расставания со Стасом. Как он теперь там, в плену? И если он, Владислав, посмеет убежать на волю и если однажды разыщет жену друга, как посмотрит ей в глаза, что скажет? Это Стас должен был выбраться, не он. Стас был готов к любым испытаниям, он знал столько путей выживания, да не смог покинуть Альтварп.

На ужин раздали немного каши и яблоки, было скромно, но необычайно вкусно и приятно для желудка. Ночью, когда все уже спали, к Владиславу подкрался незнакомец, дернул за плечо, прошептал в тишине:

– Проснись. Эй, парень.

Влад слышал, что кто-то зовет его, но сквозь сон не мог сообразить – правда то или нет. Приоткрыв глаза, он увидел над собой склонившийся силуэт незнакомца. В ужасе и испуге юноша хотел было крикнуть, позвать на помощь, но незнакомец приложил палец к губам, сказал:

– Тихо, не кричи.

– Кто вы? – спросил Владислав, натягивая на себя одеяло словно защиту.

– Не бойся, я тебя не трону. Ты из Польши?

– Да, – неуверенно проговорил тот, – но кто вы все таки?

– Я польский офицер. Мы лежим здесь на втором этаже. У меня есть ключи от многих дверей – я выпросил их. Вы единственный разумный человек из тех, что прибыли недавно и потому мы хотим пригласить вас побеседовать с нами. Вас будут ждать горячий кофе, пирожное и шоколад. Не откажите в беседе с нами.

– Как я выйду? Ведь здесь повсюду охрана, за нами следят.

– Ночь темна и укурует нас. Надевайте халат, молодой человек, а обувь не нужно. А теперь следуйте за мной.

Необычный ночной посетитель развернулся и направился к выходу. Владиславу ничего не оставалось, как пойти следом. Они благополучно миновали коридор, спустились по запасной винтовой лестнице и вошли в большую палату, где их поджидали польские офицеры. Они протянули Владу пирожное и кофе в большой кружке, усадили на стул как почетного гостя и стали расспрашивать его обо всем, начиная с варшавского восстания, продолжая концлагерем и заканчивая больницей. До своего решительного обманного шага юноша красочно поведал обо всем, что видел, что пережил. До мельчайших подробностей описал испытанные им чувства, когда он всякий раз проходил мимо стены с колючей проволокой – то препятствие между пленом и свободой. Возможно, и сам он построил свою собственную стену в душе, отчего испытывал противоречивые чувства, если видел что-то новое, непонятное, простое. Влад колебался: рассказать ли офицерам о хитрости в кабинете врача или умолчать?

Он понимал, что смолчать о том не смог бы до конца жизни и открыл своим новым знакомым эту тайну. На его удивление офицеры отреагировали довольно спокойно. Тот, что привел его, ответил:

– Ты хотел жить и потому поступил верно, спасая себя. Оставшись в концлагере, ты не дожил бы до весны, большинство там замерзают или падают без чувств от голода, и им никто не помогает, потому как некому.

Сказанные офицером слова несколько успокоили разум, но не душу. В памяти вновь возник образ Стаса: как он там, ел ли сегодня или вчера? А он, Владислав, ныне в больнице, в тепле и сытости, чистый, в новой одежде. И почему не Стасу, а ему пришлось в голову отдать врачу чужую слюну?

Так они проболтали почти до рассвета. Когда у кромки леса на горизонте показалась розовая полоска наступающего утра, тот же самый офицер проводил Влада тайными извилистыми коридорами наверх, пообещав вскоре вернуться.

Весь последующий день юноша ходил счастливым. Он приобрел новых друзей, он теперь не одинок. После обеда немецкие санитары велели всем, кто держится на ногах собираться во внутреннем дворике госпиталя на тренировки. Влад и там встретил офицеров, тренирующихся вместе со всеми. Один из них подошел к нему, шепнул на ухо: «Сегодня ночью один из нас вновь придет за тобой. Нам необходимо поведать тебе что-то важное».

Вечером Владислав томился в ожидании, с нетерпением

дождался прихода офицера, ясно надеясь, что те выдадут ему некий план побега. Но все оказалось иначе. Офицеры рассказали, что одному из них недавно сделали операцию по удалению аппендикса, но неудачно: офицер умер через два дня и его нужно похоронить – то приказ немцев. И потому они просят Владислава присутствовать на похоронах, отдать должное, почтить память усопшему. Юноша согласился, чувствуя тяжелый камень в душе. Он не любил похороны, боялся самой траурной церемонии. В памяти всплыли похороны дяди Жозефа; тогда было много, очень много людей, его отталкивали, не подпускали даже на сантиметр и ему не удалось коснуться лба родного человека. После он не присутствовал ни на каких похоронах и дал себе слово ни в жизни не ходить на кладбище. А теперь ему предстоит порушить слово, данное самому себе: возможно, это как раз и перечеркнет ту невидимую линию отчуждения между ним самим и его страхами.

Похороны были ранним утром. Все присутствующие – офицеры и Влад одеты в траурные костюмы. Процессия под конвоем немцев из гестапо двинулась из ворот больницы по направлению к лесу. Листья уже совсем пожелтели и осыпались, ярко светило солнце, но лучи его уже не грели. У укромного места под сосной была вырыта могила. Гроб осторожно опустили в нее и все присутствующие поляки бросили по горстке земли, и Владислав сделал тоже самое, тем самым отдав должное этому человеку.

После похорон офицеров также под конвоем провели в больницу. Пока они шли по мягкой влажной земле, у Владислава на глазах выступили слезы. Он видел кольцо – вооруженное кольцо охраны, он вспоминал решетки на окнах палаты, во всей больнице. Как наивно он мечтал еще недавно в концлагере Альтварпа, что стоит лишь выехать за ворота с колючей проволокой, пересечь черту воли-неволи и ты свободен и можешь бежать куда хочешь, куда глаза глядят. Ах, как он ошибался! Не только концлагерь, но вся Германия была тогда одной большой тюрьмой: для пленников, врагов, своих и чужих.

Глава семнадцатая

Через четыре дня после похорон польского офицера группы поляков, больных туберкулезом, вновь подняли глубокой ночью и с криками, бранью велели собирать вещи и идти к выходу. Среди них оказался и Владислав. Искренне попросившись с Парчови и остальными итальянцами, которые так тепло, так трепетно к нему относились, юноша вновь увидел перед собой поезд. Снова дорога. Только куда: на север или юг? О побеге не могло быть и речи. Он оказался обречен вместе с остальными, и если его не убили в Альтварпе, то легко смогут застрелить где-нибудь в лесу. Влад закрыл глаза, погружаясь в поток собственных чувств и мыслей – пока мог это сделать. А в кармане еще лежали иконы святых Антонио и Иза.

Поездка заняла два часа. Рано утром, когда едва забрезжил рассвет, поезд остановился в городе Киль, что севернее Старгата. Было холодно и сыро, небо заволокло тучами, под ногами желтела опавшая листва. Пленников поджидали офицеры гестапо. С нацеленными на них автоматами немцы велели полякам немедленно брать вещи и следовать вперед к тяжелым высоким воротам – новый, еще один концлагерь. Ворота за их спинами гулко закрылись, на миг наступила зловещая тишина. Владислав чувствовал, как темная, покрытая сырими опилками дорога расходуется в его душе, яв-

ственно ощущал биение собственного сердца и поток крови по сосудам и венам. Он снова прибыл туда, откуда хотел бежать – в плен, и снова позади него стена с колючей проволокой. Все вернулось на круги своя. От потерпевшего поражения, от собственного бессилия хотелось плакать. Блуждающим, странно-отрешенным взглядом Влад взглянул на хмурые небеса, из которых вскоре пойдет дождь; ни голубя, ни какой иной птицы не пролетало над головой. С тревогой и грустью юноша решил покориться судьбе: если суждено умереть, то пусть будет так.

Пленников провели мимо барачных и казарм в отдельное здание, что-то вроде больницы, только серое, грязное. Их разместили по комнатам, там стояли койки – уж лучше соломы на холодном полу. Больные переоделись в белые штаны и рубахи, разместились каждый на своем месте. Вечером их навестил доктор, русский по национальности. Он осмотрел каждого пленного, задал на своем языке вопросы, но те, глядя ему в лицо, лишь пожимали плечами: они не понимали его речи. Устало вздохнув и сняв очки, доктор окинул взглядом комнату, громко спросил:

– Кто из вас говорит по-русски?

Все молчали, очевидно, поняв что-то из родственной, однако, чужой речи, но так никто не ответил. С удивлением врач пожал плечами и повторил свой вопрос.

– Что, никто не понимает русский язык?

И тут из дальнего угла вышел невысокий смуглый моло-

дой человек не старше двадцати лет. Он робко приблизился к доктору, проговорил:

– Я... я немного говорю на вашем языке.

– Почему же вы так долго молчали, молодой человек? – удивленно воскликнул тот, однако был рад найти себе переводчика.

– Я боялся, что меня не так поймут поляки.

– Вы не поляк?

– Я родился в Польше, жил до того, как меня захватили в плен, но по национальности я армянин.

– Это сразу видно, хотя я подумал, что вы еврей. Как вас зовут, юноша?

– Владислав, у меня есть еще имя из советского паспорта – Владимир.

– Как вы хотели бы, чтобы я к вам обращался?

– Владислав, ну или просто Влад.

– Хорошо, Влад, я вас запомнил, а теперь попрошу вас передать, перевести мои слова: я врач из Советского Союза, отныне буду следить за вашим здоровьем и постараюсь вылечить всех от туберкулеза. Вам будет предоставлено все необходимое: отдых, еда, медикаменты, однако не забывайте, что здесь концлагерь, а не госпиталь, за ваше любое неповиновение вы отвечаете головой.

Владислав дословно перевел слова доктора, его предостережения. Поляки внимательно слушали, согласно кивали головами, как будто так и надо, словно ничего не происходи-

ло. После врач поманил Влада за собой на веранду, там он достал сигарету, предложил одну Владиславу, но тот сказал, что не курит.

– И правильно делаешь, – отозвался врач, потягивая сигарету, – здоровее будешь.

– Какое уж здесь здоровье? Да и нужно ли оно в плену?

– Здоровье – самое главное в жизни: не будет его, не станет ничего. Когда ты здоров и полон сил, тебе и небо звезднее, и солнце ярче. Но стоит чему-то заболеть – голова там, зуб, желудок или хуже того – сердце, и вот все тебе не мило, и свет погас.

– Как вы очутились здесь, в немецком лагере, если вы русский? – задал юноша давно мучивший его вопрос.

– Немцам нужны врачи, хорошие образованные врачи. Они пообещали мне свободу и сытую жизнь, потому я дезертировал из советской армии и перешел на сторону Германии. Я не хочу воевать, не хочу убивать людей, мое призвание – лечить.

– Вы не боитесь своих соотечественников? Ведь если вы попадете в руки русских, они убьют вас как предателя.

– Боюсь, но страшнее всего – жить при коммунизме, потому как это не жизнь, а выживание. Нет, уж лучше смерть или работа на врага.

Владислав внимательно слушал его, внимая каждому слову; много ныне казалось ему не таким как раньше, словно весь мир перевернулся-развернулся другой стороной.

Раз в день врач проводил осмотр, делал уколы, давал лекарственные препараты. Больным специально выдавались одежда и еда из Красного Креста. Доктор приносил большой мешок, в котором лежали банки с тушенкой, сгущенным молоком, кофе и супом - все то предназначалось для заключенных, находящихся на лечении. В свободное время доктор приглашал к себе в кабинет Владислава и подолгу с ним беседовал. Врач, еще молодой, не старше двадцати восьми лет, интересовался жизнью других людей, традиций иных стран и народов, о которых ничего не знал, живя на территории Союза. И Влад охотно делился с собеседником всем, о чем знал, о чем читал, видя в нем родственную душу. Он поведал о своей семье, о родном доме, который видел во сне каждую ночь.

– Моя бабушка по отцовой линии была дворянкой из древнего армянского рода, муж ее – мой дедушка при жизни занимал пост мэра одного крупного города, а позже восседал в Парламенте. Мои родители, все мои дяди и тети – люди образованные, богатые, дай Бог, чтобы они были живы, я так скучаю по ним. Вечерами, глядя в темные небеса, я вспоминаю наш большой дом с обширным садом, где мы любили прогуливаться по умощенным гравием тропинкам, следуя мимо деревьев, кустов роз; как пили чай в увитой виноградом беседке, а перед сном одна из наших гувернанток рассказывала сказки; у меня есть старшие сестра и брат.

– У вас были гувернантки? – удивился врач, глядя на из-

можденное, посеревшее лицо юноши с запавшими щеками.

– Да, одна была украинка, другая француженка, обе разговаривали с нами только на своих языках.

– Сколькими наречиями ты владеешь?

– Я говорю на армянском, – он загнул один палец, – польском, русском, – загнул еще два пальца, – немецком и французском, ныне – до войны, начал изучать итальянский, но не успел... Мой отец работал в свое время профессором в университете, он художник и потому преподавал историю искусств и архитектуру.

– Вы удивительный человек, Владислав, да еще и дворянского рода. Наверное, тяжело приходится здесь, среди простого люда, грязи?

– Раньше было трудно, а теперь привык уже, ну или хотя бы стараюсь свыкнуться, понимая, что всему есть конец.

Так они общались до полуночи, а затем расходились каждый в свою комнату. Доктор спал в отдельной комнате в немецкой казарме, а Влад в общем бараке с больными и умирающими. Напротив его койки спал старый поляк; он уже не вставал – запущенный туберкулез съедал его изнутри. Старик понимал скорый свой конец, глядел на еще живых и здоровых, в душе завидуя им, проклиная. Владислава умирающий возненавидел особой ненавистью не только за надежду последнего избежать смерти, но и того, что юноша являлся переводчиком у русского врача и немцев, показывая сам того не ведая превосходство над необразованным дере-

венским людом. Но раним утром старик почему-то глянул на молодого человека иначе и во взгляде его отражалась открывающаяся вечность перед новой дорогой. Больной чуть приподнялся, каждое движение давалось с трудом, причиняя боль. Он поманил к себе Владислава, тихо проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.